

Татьяна БУЛАТОВА

На фиг нужен!

Отношения с самыми близкими и дорогими людьми — тема, волнующая всех без исключения. Татьяна Булатова пишет об этом тонко и ненавязчиво, пытаясь найти ответы на самые насущные вопросы. И у нее получается.

Мария Метлицкая

Дочки-матери. Проза Татьяны Булатовой

Татьяна Булатова

На фиг нужен!

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булатова Т.

На фиг нужен! / Т. Булатова — «Автор», 2017 — (Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой)

ISBN 978-5-699-95936-5

В книгах очень часто все заканчивается предложением руки и сердца и бравурными аккордами марша Мендельсона. В жизни с этих аккордов все только начинается. Не бывает идеальных отношений и безупречных семей. И слова «давай разведемся» легко произнести, если они давно просятся с языка. Так стоит ли тянуть? Надо ли прощать измену? Стараться все вернуть, если пройдена точка невозврата? Никто не знает ответов на эти вопросы. И герои книги «На фиг нужен!» тоже не знают их. Они просто живут – как и мы с вами и миллионы людей, которые вот прямо сейчас пытаются решить – сохранить или разрушить?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95936-5

© Булатова Т., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Два сапога пара	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Булатова
На фиг нужен!: сборник

Издание осуществлено при содействии литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*
Оформление серии *А. Старикова*

Два сапога пара

Вот кто-кто, а эти двое – точно пара! Миша и Маша. Дружные, счастливые и, ко всему прочему, похожие друг на друга как две капли воды. Некоторые даже думали: «Брат с сестрой». А что? Оба невысокого роста, светловолосые. Не сказать чтобы особо симпатичные, зато обаяния каждому с лихвой отмерено. Оттого-то и врагов у них не было и завистников, одни друзья-товарищи, не перестававшие удивляться тому, как у Миши и Маши все по-настоящему ладно да складно. Поэтому, когда эти двое объявили, что женятся, никто не удивился: по-другому и быть не могло.

Надо сказать, что в начале девяностых подготовка к свадьбе больше напоминала заседания «Клуба веселых и находчивых», потому что в магазинах ничего не было. Водка – и та по талонам. Но Миша не унывал и Машу свою успокаивал: достанем, сошьем, договоримся. Так и получилось: на фоне всеобщего разора смотрелись молодожены достойно. Платье не платье, галстук не галстук, ни дать ни взять – церемония вручения «Оскара» в областном центре. Быстренько в загсе расписались – и в музей: уж очень Машенька хотела в красивых интерьерах сфотографироваться, чтобы на память, долгую-предолгую.

В том, что Миша-Маша проживут вместе до гробовой доски, не сомневался никто из присутствующих на свадьбе. Пожалуй, за исключением Мишиной бабушки, утыкавшей костюм жениха и платье невесты не одной дюжиной булавок. «Зачем так много?» – удивилась Машенька, но сопротивляться не стала: надо так надо. Через минуту она уже об этом не помнила, а через час веселилась вместе с гостями с таким усердием, что со стороны могло показаться – завтра война. Правда, вместо сообщения о начале всеобщей мобилизации утром молодоженов Рузовых разбудил стук в дверь гостиничного номера, изначально предназначенного для иностранных гостей города – уж больно хороший вид открывался из его окон.

– Кого это черт несет? – изумился спросонья Миша и, обернувшись простыней, поплелся к двери, вместо того чтобы по-хозяйски крикнуть: «Войдите!»

– Не открывай, – попыталась остановить мужа Машенька, но было уже поздно: в номер шагнула девица двухметрового роста, раскрашенная под африканского попугая и завернутая в мелкую черную сетку.

– Эльза, – представилась она и продефилировала, виляя задом, к разобранной постели в стопроцентной уверенности, что клиент к приему готов и уже следует за ней, облизываясь.

– Что вам нужно? – пискнула испуганная Машенька, на фоне «ночной бабочки» больше напоминающая выпавшего из гнезда растрепанного воробышка.

– За группу придется доплатить, – не удивилась появлению третьего лица Эльза и села на кровать в ожидании положительного ответа.

– Вы, наверное, номером ошиблись, – наконец-то подал голос впавший в полуобморочное состояние Миша.

– Девятьсот шестой. – Чтобы свериться, Эльза достала из-под пятки сложенную в несколько раз бумажку.

– Этого не может быть! – не поверила Машенька и протянула руку, чтобы удостовериться.

– Может, – не согласилась с ней Эльза.

– Нет, не может, – строго произнесла Маша и внимательно изучила комбинацию из трех цифр: – Девятьсот восемь! – торжествующе выпалила она и вернула бумажку с небрежно написанным номером: – Вот, смотрите...

По большому счету, последняя цифра все равно была больше похожа на цифру шесть, но теперь и самой Эльзе стало ясно, что пришла не по адресу.

– Молодожены? – безошибочно определила она и, развеселившись, послала присмиревшим новобрачным воздушный поцелуй на прощание.

– Спасибо, – поблагодарила в ответ оглоушенная визитом проститутки Машенька, и ровно через пару секунд до Рузовых донесся настойчивый стук в соседнюю дверь.

– Впустили, – прошептал жене Миша, а потом опомнился и с пафосом произнес: – Доброе утро, любимая.

– Доброе утро, любимый, – расплылась в улыбке та и похлопала ладонью рядом с собой: – Девушку заказывали?

– Заказывали! – включился в игру супруг и с удовольствием отдался порыву, мысленно представив перед собой Эльзу, поразившую его своим сетчатым одеянием и лакированной юбочкой, больше напоминавшей набедренную повязку.

Не отстала от мужа и Машенька. «Гетера!» – с восхищением подумала она о «ночной бабочке» и старательно зажмурилась: вместо нависшего над собой супруга со столь неромантической внешностью ей вдруг захотелось увидеть кого-нибудь другого, высокого и обязательно брюнета.

В результате разыгравшееся воображение обоих заметно сократило время соития: супруги одномоментно вышли на финишную прямую и, не стовариваясь, одинаково выдохнули. Игра удалась, хотя о своих тайных предпочтениях ни Миша, ни Маша не сказали друг другу ни слова. Разве ж об этом говорят?!

Да и говорить стало некогда: квартиры нет, денег нет, работы нет. При этом «любовная лодка разбиваться о быт» не торопилась. Некогда. Все делом заняты: Миша машины гоняет из Прибалтики, Маша рукодельничает, то юбочку сошьет, то платице. Сама не заметила, как на промышленные масштабы перешла, хоть помощников нанимай. «Не сейчас», – остановил жену Рузов и попросил еще годика два-три в таком режиме продержаться, денег подкопить, чтобы стало ясно: либо – в дело их, либо – в дом.

За три года, надо сказать, приличная сумма образовалась, посоветовавшись, решили в дело пустить. Долго думали, в какое именно. Наконец, определились – ателье открывать будем. Даже название придумали: «Ruz House». Но не сложилось, выяснилось, что Машенька беременна.

«Значит, в дом», – решил Миша, перестал мотаться в Прибалтику и устроился на государственную службу «пенсию зарабатывать».

– Деньги небольшие, но надежные...

– И безопасные, – не удержалась Маша.

Боялась она за мужа: время лихое, мало ли что?! Одно дело – машину отнимут, другое – покалечат или убьют.

– Проживем, любимый! – приободрила супруга Машенька и жизнерадостно застрочила на швейной машинке.

С этого дня жизнь Рузовых стала еще лучше: супруги больше не расставались, началось строительство. Дом рос с какой-то сумасшедшей скоростью, так же быстро, как и Машин живот. Изменения своего тела Машенька радостно приветствовала, не забывая отмечать тот факт, что беременность делала ее все более и более чувствительной к Мишиной ласке. И она искала ее всегда, порой доводя мужа до полного истощения.

– Мне кажется, любимая, нам нужно быть осторожнее, – журил ее Миша и с нежностью похлопывал по увеличивавшемуся в размерах животу. – Вдруг двойня?

– Да хоть тройня, – игнорировала предостережения мужа Машенька и тащила его в постель. Мысль о сексе не оставляла ее ни на минуту, но в этом, считала она, не было ничего противоестественного: просто гормоны, гормоны и еще раз гормоны.

Примерно так же объяснял себе Машины странности и Миша, гордившийся тем, что его жена в отличие от других женщин не прикрывается беременностью и не считает ее болезнью. Просто вместо вкусовых извращений типа соленый огурец вприкуску с шоколадом она предпочитает другие, но для семейной жизни это даже полезно, потому что ничто так не укрепляет брак, как способность взглянуть на партнера по-новому.

– Представь, что я путана. И ты заказал меня к себе в номер, – требовала Машенька и распахивала черный прозрачный пеньюар с красной кружевной оторочкой, теперь еле сходящийся на огромном, по мнению Рузова, животе.

– Нет, – спорил с ней Миша, – беременных проституток не бывает.

– Почему не бывает?! – удивлялась Маша. – Очень даже бывает. Они же тоже женщины!

– Давай по-другому. – Мише хотелось воплотить в жизнь свой сценарий. – Я буду доктор...

– Гинеколог?! – взвизгивала в предвкушении Машенька. – А я пришла к тебе на прием?!

Потом они менялись местами: доктором становилась Маша, пациентом – Миша. Рузовы легко переключались с одной темы на другую до тех пор, пока у Машеньки не появилась бредовая идея записать их сексуальные игры на видеокассету.

– Зачем? – опешил Миша и с опаской посмотрел на жену.

– На память, – сразу же нашлась Маша, от возбуждения, похоже, совершенно переставшая соображать. – Неужели тебе не интересно, как это выглядит со стороны?

– Нет. – Миша при мысли, что увидит себя в столь неприглядном виде – без трусов и с беременной женой, – стал строгим и неприступным. – Мне абсолютно не интересно, как это выглядит со стороны.

– Ну и зря! – надулась Машенька, недовольная отказом. – В этом нет ничего предосудительного: ты же смотришь порно.

– Это совсем другое, – не согласился с женой Рузов и неожиданно для себя самого покраснел.

– Какой же ты закомплексованный! – разобиделась Маша и отвернулась от мужа.

– Зато ты чересчур раскомплексованная! – разозлился на нее Миша и перелег на пол.

В подобные моменты жена вызывала в нем жуткое раздражение, потому что напоминала о невысказанных желаниях и сбивала с праведного пути: перед его глазами всплывали картины, одновременно пробуждавшие и стыд, и вожделение. Но если для мужчины, считал Миша, сексуальная раскрепощенность абсолютно естественна, то для женщины – это все-таки перебор. «Нельзя быть такой озабоченной!» – подумал он с осуждением о Машеньке и еле сдержался, чтобы не наговорить ей снизу каких-нибудь гадостей. Остановило чувство вины: числился за ним грех, и не один.

«А все проклятая Эльза!» – Миша с легкостью переложил ответственность на ту, с которой он когда-то принял первое боевое крещение на стороне, причем спустя ровно неделю после свадьбы. Ее роковое утреннее появление оказало на Рузова столь сильное впечатление, что молодой муж не выдержал и, ведомый вожделением, отыскал ее в этом многоэтажном гостиничном улье, отвалив швейцару приличную сумму «за знакомство».

С первой встречи Эльза превратилась для Миши в главный ориентир всех любовных утех, которых он искал жадно и неутомимо, выбирая девушек, внешне похожих на нее: длинноногих высоких брюнеток с большой грудью и низким голосом, последнее – если повезет. На поверку Рузов оказался любовником очень требовательным, не торопившимся довольствоваться малым и в спешке. Его мужская природа требовала полного совпадения с желанным женским образом, поэтому он, не смущаясь, мог предложить избраннице надеть чулки в сеточку и черное белье с лакированными или кожаными вставками. «И больше ничего лишнего!» – снисходительно улыбался он, испытывая особое удовольствие, если ангажированная на вечер барышня вдруг от стеснения розовеет и прячет глаза. «Тебе понравится», – многозначительно обещал Миша и щедро предоставлял в пользование свои запасы. И чулками, и бельем Рузов разжился во время регулярных наездов в Прибалтику, благо там магазины для взрослых – обычное дело.

Мише нравилось ощущать себя соблазнителем, уроки Эльзы не прошли даром: коллекция его множилась, а секс-атрибутика становилась все более богатой. Через какое-то время он

даже начал делиться опытом со своей искусственной подругой, не забывая обязательно преподнести ей какой-нибудь неожиданный презент, который они вместе и осваивали. Несмотря на это, Эльза по-прежнему оставалась для него советчицей: он доверял ей не только тайны своей интимной жизни: о Рузове как о человеке она знала гораздо больше, чем кто-либо, – и по-матерински оберегала его брак от разрушения, постоянно напоминая Мише, что семья – это главное.

Благодаря Эльзе Рузов усвоил несколько простых правил: любовниц надо держать на расстоянии, «чтобы знали свое место», по именам не называть, «лучше – прозвища, во всяком случае, не ошибешься». Так с легкой руки тайной подружки в Мишиной жизни появились многочисленные Бусинки, Звездочки, Кисоньки, Лапочки и т. д. Но надо признать, что, как только Рузов переступал порог собственного дома, в его жизни оставалась только Маша, она же – *любимая, единственная, верная и лучшая в мире жена*.

Стоило Мише подумать о Машеньке в таком ключе, как тут же возникало настойчивое желание облегчить душу, признаться во всех грехах и начать жизнь с новой страницы. Но и здесь Эльза подсуежилась: «Пока за руку не схватит, не сознавайся! Себя не изменишь, а девчонке жизнь сломаешь».

«Не сломаю!» – поклялся Миша и замаскировался так, что комар носа не подточит. Иногда даже самому казалось, что все это не про него, потому что спроси: «Кого любишь?» – и все ясно: «Только Машу». Машу и еще раз Машу. А все эти чулки с кружевными трусами, бархатные маски и наручники в автомобильной аптечке вообще неизвестно откуда! «Враги подбросили!»

Они же, видимо, нечто подобное подбросили и Машеньке. Другое дело, что в конспирации здесь особой нужды не было – Маша была открыта для сексуальных экспериментов и с удовольствием практиковала все, что взбредет в голову и ей самой, и любимому мужу. Не удивишь ее ни чулочками в сеточку, ни трусиками разноцветными кружевными – все имеем, всем пользуемся. Но все-таки и у нее были свои тайны, пусть маленькие, но были. «Максимка, Игоречек, Славочка...» – мысленно перебирала она имена своих любовников, которых и любовниками-то сложно назвать. Так, недоразумения из прошлого. Где-то отказать не смогла, где-то настроение было соответствующее, где-то по старой памяти. Сошлись – разбежались, ничего серьезного, потому что не по любви. По любви – только с Мишей, поэтому все остальное не считается, русским же языком сказано: «Женщина изменяет не телом, а душой». А Машина душа мужу принадлежит, *любимому, единственному, верному и самому лучшему*. В общем, никаких оснований для беспокойства: не семья, а загляденье.

* * *

Не успели опомниться, девятнадцать лет пролетели, как летний отпуск. За это время жизнь вокруг изменилась до неузнаваемости: Интернет, компьютеры, сотовые телефоны, весь мир как на ладони – лети в любую сторону. Разве сравнить с девяностыми?!

Изменились и сами Рузовы: как-то очень заметно заматерел Михаил, вошла в особую женскую пору, став невероятно соблазнительной, Машенька, через два года дочь школу окончит. Одним словом – все прекрасно. Есть, конечно, шероховатости, но не критичные, терпимые, так сказать, не ухудшающие качества жизни. Например, до сих пор дом не достроен.

– Зато, – жизнерадостно восклицала Маша, – все в добром здравии и полмира объездили! На пенсии достроим. Куда торопиться?

Не отставал от нее и Миша:

– Сейчас жить надо. Сейчас! Когда ты молодой, когда на девок молодых смотришь и член в штанах шевелится.

Слова эти Машеньку ничуть не обижали. Заслышав их, она смеялась и мужу озорно подмигивала: «Мели, Емеля, твоя неделя!» А то она Мишку своего не знает, как он хвост на людях распускает и хорохорится. Все мужики так, особенно после сорока. Старости бояться, поэтому к молодым пристраиваются. Только Рузов, не в пример другим, приключений на стороне не ищет. Ему и дома хорошо: секс с годами все лучше и лучше становится. Был бы другой на его месте, сразу же засомневалась бы: не практикует ли с кем-нибудь? А про себя и говорить нечего: есть с чем сравнивать. Но опять же – в Мишкину пользу. Да много чего в его пользу могла Машенька перечислить, достаточно на их дочь посмотреть, на Ируську. Счастливая девочка, такой отец достался: нежный, заботливый, в рот ей смотрит, по первому зову бежит. Девчонке – пятнадцать, а она сызмальства приучена к особому обращению: цветы на праздник, руку подать, в комнату со стуком... «Вот и хорошо», – с благодарностью думала о муже Маша и наивно радовалась тому, что имеет, не допуская мысли, что этого чудо-мужчину имеет не только она.

«Но ведь не пойман, не вор», – рассуждал Рузов и ни на шаг не отступал от выработанных за столько лет параллельной жизни принципов: дом и семья – это святое. Хотя, случалось, так и подмывало сказать жене о том, что не все так просто и легко, как ей кажется, что порой разрывается он между всеми этими Звездочками и Бусинками...

Когда накатывало, выходил во двор и подтягивался на турнике до изнеможения, чтоб от усталости дурные мысли в голову лезть перестали. Если же и это не помогало, собирался и ехал к Эльзе, не забывая о том, что хороший любовник – это щедрый любовник.

В постели между Мишей и его наставницей, за девятнадцать лет успевшей превратиться из дорогой проститутки в респектабельную владелицу косметического салона, давно уже ничего не происходило. Но от этого отношения не обесценивались, наоборот, они становились все крепче и гармоничнее. Так получилось, что Эльза оказалась единственным человеком в жизни Рузова, кому он мог безоговорочно доверять то, чего нельзя было сказать Маше. И как знать, не будь его мудрой наставницы рядом, смог бы он так долго держаться на плаву и делать вид, что жизнь прекрасна?

– Это не вид, дорогой мой человек, – однажды грустно изрекла Эльза и строго посмотрела на Рузова. – Это настоящая жизнь.

– А твоя?

– И моя. Просто кому-то даны силы на одну жизнь, а кому-то – на две, три, а то и больше...

– Представляю, сколько ты уже отмахала, – сначала усмехнулся Миша, а потом – отвел глаза в сторону: – Полсоюза ведь обняла?

– Не знаю, не считала. Но я-то – по нужде, а ты ведь – по удовольствию? Есть разница?

Рузов промолчал.

– Знаешь, – продолжила Эльза и взяла Михаила за руку. – Иногда я о тебе думаю. И даже мне ты кажешься извращенцем. А иногда мне тебя жалко. Уж поверь, когда вкусного чересчур, появляется тошнота... Зачем так много? Кому и что ты доказываешь?..

– Никому я ничего не доказываю, – разозлился Рузов. – Просто живу. Сама же сказала – такая половая конституция. Спасибо маме с папой! И тебе, кстати, Эльза, тоже спасибо. Не заявись ты к нам с Машкой в номер, и все бы сейчас было по-другому.

– Не думаю. Вместо меня заявила бы другая. И потом, если ты помнишь, это ты меня нашел.

– А я и не отрицаю... Просто я человек, влюбленный в жизнь.

– И в себя, – точно подметила Эльза и отвернулась.

– Раньше ты так не говорила! – опешил Михаил.

– Старею... – усмехнулась Эльза и с нажимом произнесла: – За все в этой жизни приходится платить. Цена только разная. Знаешь, чего я больше всего боюсь?

– Неужели божьего суда? – ехидно скривился Рузов, взбудораженный странным поворотом в разговоре.

– Нет... Я боюсь сдохнуть в собственной кровати жарким летом и раздуться, как жаба на дороге. Я потому и собаку не решаюсь завести, чтоб не обглодала меня от голода, пока я, дохлая, валяться здесь буду...

– Сколько тебе лет?

– Много, Миша.

– Хватит врать! – У Рузова затряслись губы. – Ты старше меня от силы лет на десять, не больше.

– Ну и что? – удивилась Эльза и собралась еще что-то сказать, Миша это видел, но так и не решилась.

– Договаривай, – потребовал Рузов и в ожидании замер.

– Все чего-то бояться: болезней, старости, одиночества. А ты? Ты боишься?

– Боюсь, – выдавил из себя Михаил.

– Все мужчины боятся смерти, – подсказала ему Эльза, ей показалось, что она знает ответ.

– Ошибаешься. – Голос Рузова стал глухим. – Больше всего на свете я боюсь того, что моя Машка вот так же, как я, по чужим койкам шарится.

– Кто? Машка?! – расхохоталась Эльза и уставилась на Михаила, как на умалишенного: – Ты и правда больной.

– Я нормальный, – оборвал ее Рузов и ушел, отчаянно ругая себя за откровенность: признаться в том, что ты, многократно неверный, ревнуешь собственную жену, было непросто.

«Главное, чтобы ни в кого не влюбилась», – попросил поблажки у судьбы Миша, после разговора с Эльзой все чаще и чаще задумывавшийся о неотвратимости расплаты за несправедливый образ жизни. Эта же мысль омрачала и Машенькино существование, отчего та взывала к небесам с аналогичной просьбой: «Никакой любви мне не надо!» Одним словом, то ли не по адресу обращались, то ли преумноженный страх обоих сработал, как магнит, но случилось то, что случилось. В Машенькиной жизни появился Он, высокий иногородний брюнет, с тремя детьми и женой с модельной внешностью. Звали брюнета Феликс.

– Какое красивое имя! – млела в его объятиях Маша и обещала хранить верность. Муж при этом в расчет не брался, потому что муж – это нечто вроде хронического насморка – ничем не выведешь. Да и не надо, потому что его Машенька тоже любит и жалеет. Оказывается, можно любить обоих, а она, дурочка, не верила.

– Не верила, пока не встретила тебя, – прижималась Маша к Феликсу и плакала от невыносимого счастья.

– Не плачь, – уговаривал ее иногородний брюнет и, будучи на редкость сентиментальным, еле сдерживался, чтобы тоже не разрыдаться. – Ты принесла в мою жизнь радость. Ты сделала меня самым счастливым человеком на свете. Ты и дети.

– А Майя? – Машенька относилась к жене своего любовника с подчеркнутым уважением, называла ее по имени и была чистосердечно признательна той за то, что сберегла любимого для нее.

– А Майя не в счет, – мрачнел Феликс и спутанно объяснял: – Понимаешь, это данность. Со счетов не сбросишь. Я человек порядочный: семью не брошу. Но люблю-то я только тебя. Веришь?

Сначала в словах любовника Маша сомневалась, а через полгода головокружительных встреч на нейтральной территории вдруг произнесла то же самое: люблю, мол, и жизни ни с кем другим теперь для себя не вижу.

– Переезжай в Питер, – попросил ее Феликс и пообещал взять на полное содержание.

– Не могу, – разрыдалась Машенька. – У меня же здесь Ирუსька.

– С Ируськой переезжай, – настаивал тот, полагая, что где трое детей, там и четверо.

– Не сейчас, – сомневалась Маша. – Пусть хотя бы школу окончит, а там посмотрим...

Пока смотрели, ситуация снова изменилась. И встречи стали реже, не больше раза в квартал. И класс гостиниц понизился, так сказать, эконом-вариант – «квартиры почасово». И совместные планы отодвинулись куда-то в далекое будущее, когда мир, а вместе с ним и Россия, выйдет из тотального финансового кризиса.

«Это временно», – успокаивала себя Маша и вела с Феликсом длинные разговоры по сотовому трижды в день. Что поделаешь, привычка к постоянному общению оказалась столь прочной, что Машенька легко позволяла себе, невзирая на присутствие мужа с дочерью или гостей, удалиться в другую комнату, чтобы обсудить с «вип-клиентом» ряд не терпящих отлагательства вопросов. Хорошо, профессия оказалась подходящей – страховой агент, лицо «по требованию».

– По-моему, это неправильно, – как-то возмутилась Ируська и неодобрительно взглянула на раскрасневшуюся после продолжительного разговора мать. – Может быть, стоит предупредить клиентов, что вечер – это время, которое нормальные люди проводят в кругу семьи? Например, ужинают или общаются.

– Может, – ласково ответила дочери Машенька и не менее ласково добавила: – Только при условии, что кое-кто проведет это лето в компании с комарами и мухами на нашем огороде, а не на пляжах Родоса, как это было запланировано. Какая, Ируська, тебе разница, где отдыхать?

– Мама права, – тут же поддержал жену Рузов и укоризненно посмотрел на дочь: – Чем больше у твоей мамы сделок, тем выше процент, следовательно, ее зарплата. Не ответить на звонок нельзя, потому что бывают самые разные ситуации, в том числе и...

– Пожар, ДТП, внезапная смерть, несчастный случай, падение самолета на приусадебный участок... – затараторила Ирина.

– Да что угодно! – оборвал ее отец. – Не думай, пожалуйста, что эти звонки приносят твоей маме огромное удовольствие. И потом – работа есть работа. Поняла?

– Поняла, – ехидно улыбнулась Мише его дочь и язвительно произнесла: – Как не понять, папа?! Это сообщения о смерти, ДТП и фиг там знает о чем вместе с падающими самолетами заставляют твою жену хохотать так, как будто ей анекдоты рассказывают!

Рузовы переглянулись.

– Хватит переглядываться! – взвизгнула их дочь и, опрокинув стул, бросилась к себе в комнату.

– Переходный возраст, – пожала плечами Машенька и, улыбаясь, протянула мужу руку: – Спасибо тебе за поддержку.

– Тебе спасибо, – автоматически ответил жене Миша и, услышав звонок своего сотового, встал из-за стола. – Пойду отвечу...

– Конечно, – отпустила его Маша, не заподозрив ничего странного в том, что муж спешно уединился в комнате для гостей.

Ей на самом деле было не до него. Она скучала по Феликсу и не переставая ломала голову, как бы устроить свидание. Но в ближайшее время никаких командировок не предвиделось, а это значило, что ей вновь придется довольствоваться звонками и перепиской, часть которой, особо фривольного характера, она хранила в сотовом для того, чтобы перечитывать перед сном.

Примерно тем же самым был занят и Миша, но в отличие от своей жены он осуществлял ревизию эсэмэс за пределами супружеской спальни: либо в бане, либо в туалете: опасался не справиться с нахлынувшими эмоциями и выдать себя с головой. Приходилось считаться. Причем не только с женой, но и с дочерью, ревностно поглядывающей через отцовское плечо на экран его телефона.

Помнится, именно в тот злополучный вечер, возмущенная материнской готовностью бросить все ради разговора с «клиентом», Ирина впервые заявила родителям:

- Вы какие-то ненормальные!
- Почему? – одновременно ответили Рузовы, не отрываясь от своих сотовых.
- Да потому что вы все время в телефонах. Вам что, не о чем поговорить?!
- Почему не о чем? – удивилась Машенька и, отложив телефон, спешно прильнула к мужу. – Нам с твоим папой всегда есть о чем поговорить. Так ведь, Миша?
- Так ведь, Машулька, – обнял жену Рузов и поднял левую руку, показывая дочери, что готов и ее принять под свое крыло.
- Спокойной ночи, – отказалась примкнуть к родителям Ирина и снова скрылась за дверью в свою комнату.
- Первой на поклон к дочери отправилась Маша, нацепив на лицо выражение полного смирения.
- Скажи мне, – Машенька попыталась придать голосу самую проникновенную интонацию, – у тебя что-то случилось?
- Нет. – Девочка явно не была настроена на разговор с матерью.
- Тогда почему я тебя так раздражаю?
- Потому что ты эгоистка! – прямо ответила Ирина и с вызовом уставилась на мать.
- И в чем же это, по-твоему, проявляется? – Маша была воплощением доброжелательности и спокойствия.
- Тебе совершенно нет никакого дела до нас с отцом, – упрекнула мать Ирина и приготовилась к ответному удару.
- Это неправда. – Маша не приняла вызов.
- Это правда! – Ирина распалилась и набросилась на мать с обвинениями: – Ты ничем не интересуешься. Только и делаешь, что болтаешь по телефону. Неужели тебе столько платят, что ты готова работать круглосуточно?! Да я никогда в жизни не поверю! А еще кто-то говорит, что он нас любит.
- А я и не отказываюсь от своих слов...
- Да ты посмотри, что происходит с твоим мужем!
- А что происходит с моим мужем? – растерялась Машенька, потому что в последнее время ничего особенного в поведении Миши она не замечала. – По-моему, все в порядке.
- Ну если человек часами сидит на диване, закрыв глаза, и ждет, когда кое-кто придет с работы, – это в порядке, то ладно... Скажи лучше, разлюбила, – саркастично усмехнулась Ирина и, не справившись с эмоциями, накрылась с головой одеялом.
- «Плачет», – догадалась Маша, но успокаивать не стала. «Пусть выплачется», – решила она и с испорченным настроением вернулась к мужу.
- Ну что? – обеспокоенно поинтересовался у жены Миша.
- Да ерунда какая-то! – поморщилась Машенька. – Почему-то решила, что я тебя разлюбила.
- Что, прямо так и сказала?
- Прямо так и сказала, – подтвердила Маша и присела рядом. – Тебя, между прочим, жалеет.
- Меня? – недоумевая, вытаращил глаза Рузов.
- Тебя, – нежно ответила Машенька и перебралась к супругу на колени.
- А почему?
- Да откуда же я знаю? – удивилась Маша и поцеловала Мишу в уголок губ, перейдя на шепот: – Говорит, грустный, неразговорчивый, сидит, тоскует...
- Так прямо и говорит? – Рузов моментально проглотил наживку и с жаром поцеловал жену. Она по-прежнему была для него желанной.
- Так и говорит, – выдохнула Машенька и показала глазами на спальню.

– Расскажешь? – хитро улыбнулся жене Миша и, не спуская ее с рук, встал с дивана: – Не хочешь в бане?

Маша была не против. А сегодня особенно, потому что в сердце завелся какой-то странный червь сомнения, прежде ей не свойственного. Впервые она почувствовала себя предательницей по отношению к мужу и, чтобы избежать этого неприятного ощущения, отдалась ему с особой страстью. Правда, из головы все равно не шел Феликс, но это уже от нее не зависело. Привычка как-никак. Все-таки полтора года.

«Всего-то полтора», – вполне бы мог снисходительно улыбнуться Миша, если бы обладал способностью читать чужие мысли. Так же, как и его жена, он не переставал думать в момент соития о «посторонних», то есть о тех, с кем в последние лет пять-шесть, а то и больше регулярно делил ложе.

– Как же мне хорошо с тобой, Мишка, – искренне призналась мужу Машенька и мысленно попросила прощения у любовника, которому только что изменила.

– И мне с тобой, – не менее искренне подхватил Рузов, к чести его, надо сказать, всегда отстаивающий интересы жены в разговорах с любовницами.

Ночью супругам приснились почти одинаковые сны. Сначала – Мише, отчего тот проснулся в холодном поту и схватился за Машу, как грешник за икону. Померещилось, что и у Эльзы, и у всех этих Бусинок, и Звездочек, и иже с ними Машенькино лицо с веселой родинкой над верхней губой. Но только Миша знает, что они – это не Маша, но отличить нет никакой возможности, только на ощупь. И вот он щупает, щупает, а руки проваливаются в пустоту, и летит он в какой-то глубокий колодезь, и точно знает, что разобьется, но не разбивается, а просто становится маленьким, как Иркины пупсы с одутловатыми лицами цирковых лилипутов.

– Что ты, что ты... – успокаивает мужа Маша и следом проваливается в свой кошмар, где вместо их с Мишей дома одна большая холодная комната, вдоль стен – стеллажи. «Погреб, что ли?» – думает во сне Машенька, но скоро понимает – не погреб, морг, а на стеллажах – покойники. К какому ни подойдет – Феликс. «Хватит, остановись!» – приказывает себе Маша, а сама не слушается и переворачивает одного за другим, ищет, потому что знает: есть еще кто-то. «Кто же?» – мучается Машенька и видит перед собой мертвых детей. «Не ходи!» – слышит она Мишин голос и не верит своим ушам: «Он-то здесь откуда?» «Отсю-у-у-уда...» – страшно воют в ответ младенцы, среди которых она замечает и маленькую Ируську... «И-и-ра!» – кричит Машенька во сне и просыпается в слезах в Мишиных объятиях.

– Что ты, что ты... – успокаивает ее муж и подтыкает одеяло, потому что та дрожит, словно от холода.

К утру вся хмарь развеивается, но почему-то и у Миши, и у Маши одновременно возникает предчувствие неотвратимо надвигающейся беды. «Надо что-то делать», – решают про себя оба, но не делают ничего, потому что жаль расставаться с мечтой об иной жизни. И вроде бы знают: никогда она не наступит, так и проживут, притворяясь, всю жизнь бок о бок, а все равно что-то для себя оставить хочется, пусть и неисполнимое.

– Какой прекрасный брак! – по-прежнему восторгаются Рузовыми и друзья, и родственники, и коллеги, в глубине души непритворно недоумевая, неужели так бывает?! – Что, и не ссоритесь? – хочется им услышать, потому что чем-то нужно оправдать свою жизнь, полную конфликтов и внутрисемейных дразг.

– Ссорятся они, – с неприкрытым удовольствием развеивает миф Ирина, в последнее время ставшая особо нетерпимой к родительским промахам.

– Точно?! – радуются все так, будто в глубине души были уверены, что не может быть у Рузовых все гладко, на то они и люди.

– Точно, – посмеиваются Миша с Машей, крепко обнявшись. – Все время ссоримся...

– И по какому же поводу, позвольте спросить?

– Да по любому... – защищает «честь» семьи Миша. – Вот, например, Машка сына просит, а я отказываю... (Маша в этот момент озорно хихикает.) Говорю: «Лучше собаку заведем, проблем меньше». Теперь вот с породой не можем определиться. Она золотистого ретривера хочет, кобеля, а я – немецкую овчарку, суку. Хоть разводиесь! – подмигивает Рузов жене и нарочито хмурит брови, после чего все понимают – бестолковый разговор. И в самом деле – счастливые люди.

«Пусть думают!» – одинаково радуют за свой союз Маша и Миша и тщательно скрывают, даже друг от друга, тревожное предчувствие. Особенно переживает Машенька, получившая подтверждение словам дочери. Действительно, сидит грустный Мишка, полуприкрыв глаза, на диване, ни слова не говорит. Со стороны кажется, спит, но Маша-то знает: не спит – притворяется, думает о чем-то. И так каждый вечер.

«Из-за меня», – неподдельно расстраивается Машенька и винит себя во всем: и что обманывает хорошего человека, и что лишает его тепла и любви, и что бессовестно счастлива, и что хочет другого... А еще Маша боится расплаты, час которой нарисовала себе в мельчайших подробностях. Мнится ей, что на смертном одре лишится она рассудка и выболтает все, что тщательно скрывала столько долгих лет. Почему-то Машенька была уверена, что умрет первой, оставив мужа страдать не столько от одиночества, сколько от страшного разочарования.

«Не будет мне тогда прощения», – вздрагивала Маша ночами и, проснувшись, внимательно всматривалась в безмятежное Мишино лицо, пытаясь отыскать в нем хоть какие-то следы неудовлетворенности жизнью. Не найдя их, уже засыпала с мыслями, далекими от раскаяния, и просила судьбу еще немного потерпеть и дать ей, Машеньке, насладиться этими малыми греховными радостями – звонками Феликса, его пламенными эсэмэсками и обещаниями встречи.

К утру гармония полностью восстанавливалась: Рузовы просыпались в хорошем настроении, улыбались друг другу и торопились расстаться, чтобы вновь вечером встретиться.

По дороге на работу Маша отправляла и мужу, и любовнику несколько жизнеутверждающих эсэмэс с пожеланиями «трижды хорошего дня». Без этого ритуального обмена сообщениями она просто не могла приступить к делам, все время ощущая какую-то недосказанность, мешавшую ей сосредоточиться.

Под стать Машеньке воспринимал этот ритуал и Миша, просто количество эсэмэс, отправляемых им разным адресатам, было в несколько раз больше. Кроме того, Рузову не нужно было тщательно следить за их содержанием, на то и существует веерная рассылка, предполагающая и отсутствие имен, и общие для всех условия. «Кто первым откликнется?» – загадывал Миша и в зависимости от этого определял планы на день, стараясь никого не обидеть: душевный и тонкий в этом смысле он был человек.

Существующее положение дел устраивало в равной степени обоих супругов, как люди неглупые, и тот и другой понимали, что так не будет длиться вечно, рано или поздно все закончится, но от этого азарт становился все сильнее, потому что после сорока – иное качество жизни, иная острота чувств, иное осознание истинных потребностей. И что удивительно: чем честнее ты по отношению к самому себе, тем больше лжи в контактах с внешним миром. Но и к ней привыкаешь, успокаивали себя Маша с Мишей и прямо смотрели друг другу в глаза, оставив страдания на потом.

А те себя долго ждать не заставили. Просто о том, что начало положено, Рузовы не сразу догадались.

* * *

Первым удивил Феликс, вместо традиционного пожелания доброго утра приславший короткое эсэмэс с неожиданным для Машеньки текстом: «Майя беременна».

– А как же я? – не выдержала Маша и задала-таки вопрос о том, каково ее личное место в жизни многодетного папаши из Питера.

– Ты же знаешь, – шепотом ответил ей Феликс: – Я люблю тебя.

– Я тоже, – ласково пропела ему Машенька, а потом приказала: – Не звони мне больше.

И тот послушался и даже не попытался выпросить очередной испытательный срок для того, чтобы определиться и наконец-то взять быка за рога. Просто перестал звонить и писать, чем вверг Машу в полное уныние. Без Феликса жизнь показалась ей тусклой и бессмысленной, о чем она тут же сообщила ему в поэтическом письме, которое теперь предусмотрительно отправила на рабочую почту: «Разлетаются заметки в никуда: // «Доброе утро, спешешь куда?» // Вместо: «Знаешь, я скучаю, я тоскую, // Я в своем воображении рисую // Твои руки, движение в такт...» // Извини, мой любимый, если что-то не так...»

Не выдержал. Перезвонил, хотя поклялся жене, что больше никогда-никогда. По-детски плакал в трубку в расчете на то, что Машенька пожалеет и простит. И она пожалела. А со временем и простила, предложив не разрывать отношения окончательно, остаться друзьями. «Мы же цивилизованные люди», – написала Маша и поблагодарила за то, что Феликс был в ее жизни. Уже могла позволить, потому что и боль прошла, и обида, и остались только приятные воспоминания и прилагавшийся к ним эсэмэс-архив.

– Ты все равно пиши мне, – попросил растроганный Феликс и поначалу читал подробные отчеты о Машенькиной жизни с подлинным интересом, но только до тех пор, пока в них не появилась информация о том, что ее жизнь с мужем изменилась в худшую сторону.

– Понимаешь, мы очень отделились друг от друга, в том числе и в сексуальном плане. Я не хочу, он не может, – откровенно призналась Маша и замерла в ожидании ответа.

– Твой Миша стал импотентом? – не без злорадства посочувствовал бывший любовник, чем обрек себя на долгую историю о том, что в семье мужа – трагедия, тяжело больна Машенькина свекровь, Марина Леонидовна.

– Прооперировали по-женски, там – онко, – добросовестно вела репортаж с места событий Маша, даже не задумываясь над тем, что Феликсу это может быть и неприятно, и неинтересно.

– Держись, – коротко отвечал он и решительно удалял письмо из рабочей почты: Машенькина готовность честно делиться самым сокровенным стала невероятно раздражать его.

Раздражала Маша и собственного мужа, но почему, тот не знал. Или просто не умел сформулировать. Скорее всего, Мишино недовольство оказалось связано с тем неприлично радостным мироощущением, которое не покидало Машеньку даже «во дни горестных раздумий».

– На этом жизнь не заканчивается, – попробовала она успокоить супруга, чем вызвала жуткое сопротивление.

«Молчи, дура!» – захотелось ему рявкнуть в ответ, но он сдержался. Перед глазами стояла лысая Эльза, по иронии судьбы оказавшаяся в одном отделении с его матерью.

– Какими судьбами? – Эльза не стала делать вид, что не узнала Рузова. Наоборот, погладила себя по свежесбритой голове и грустно усмехнулась, напомнив об их последнем разговоре: – Хорошо, собаку не завела...

– Могла бы позвонить, – пробормотал Миша и буквально заставил себя посмотреть ей в лицо: – Мы же не чужие...

– Я помню. – Эльза потупилась.

– Тебе что-нибудь нужно? – Он взял ее за руку.

– Ничего не надо, спасибо, – чуть слышно выговорила она и подняла глаза.

«Умирает, – пронеслось в голове у Рузова, – только бы не заплакать!»

– Выздоровливай, Эльза.

– Обязательно, – горько усмехнулась та и тенью двинулась в сторону ординаторской.

Не пошел Миша за ней, побоялся, и к матери не пошел, поехал к очередной Бусинке, что поглупее да помоложе. Забыться хотел и ни о чем не думать, иначе, боялся, сердце не выдержит – разорвется на части, а ему еще Ирку поступать, да и мало ли какие еще дела. На вопрос «Как мама?» отвечал скупой, по-мужски и почти правду: что не видел, не разговаривал, потому что в отделение никого не пускали – СЭС проверяла.

Пока врал, чувствовал, что ненавидит и себя, и Машку, и жизнь эту долбаную, что так к ногтю прижала, кислород перекрыла и словно бульдозером переехала.

– Не переживай, Миша, – прониклась его настроением Машенька и погладила по голове, как маленького.

– Не трогай меня, – с отвращением прошипел Рузов, еле сдерживаясь.

– Не буду, – спешно отдернула руку жена и ушла в комнату к дочери, где долго сидела в обнимку с ее старым плюшевым медведем, тоже, кстати, Мишей.

Впервые за столько лет Машенька застелила себе диван в гостиной: реакция супруга ее напугала. Он решительно пресекал любое поползновение в свой адрес. Пытаясь морально поддержать мужа, Маша время от времени заходила к нему в спальню и предлагала свою помощь, но тот не принимал ее, бормоча одно и то же, уткнувшись лицом в подушку:

– Мне надо побыть одному... Оставьте меня в покое.

– Папа расстроен, – объяснила Машенька дочери отсутствие отца за ужином.

– Я тоже, – призналась матери напуганная страшным бабушкиным диагнозом Ирина. – Она умрет?

– Совершенно не обязательно, – с уверенностью в голосе произнесла Маша: – Все-таки мы живем в двадцать первом веке.

– Но у нее же рак!

– Ну и что?! – Машенька не собиралась сдаваться: – Это может случиться с каждым. Главное – вовремя обнаружить.

– А у бабушки вовремя? – с надеждой спросила Ира и впилась в мать взглядом.

– Вовремя, – опередил жену Рузов и вышел к столу: – Всего-то вторая стадия. И потом, знаешь что, Ирка, жизнь на этом не заканчивается. Знаешь, как говорят? «Война войной, а обед по расписанию».

Ужинали в полной тишине.

– Давай выпьем? – робко подала голос Маша, пытаясь хоть как-то разрядить обстановку.

– Выпьем, – моментально отреагировал Миша и налил себе и жене водки.

– За здоровье! – провозгласила Машенька и лихо опрокинула рюмку.

– За здоровье, – поддержал ее Рузов и подумал об Эльзе: «Хоть бы она тоже поправилась».

Но Эльза не поправилась. Ровно через полгода она умерла в своей квартире под жалобное поскуливание перепуганной странными запахами и звуками маленькой карманной собачки, по глупости подаренной ей верными сотрудниками в честь мнимого выздоровления.

– Пошла отсюда, – гнал так и норовившую улечься возле головы хозяйки псину Миша и с надеждой смотрел на часы: время тянулось невыносимо.

– Иди, – приказывала ему Эльза, на мгновение выныривая из забытья. – Иди домой.

– Сейчас, – не спорил с ней Рузов и, дождавшись прихода сиделки, уезжал восвояси, чтобы провести вечер в кругу семьи, заметно изменившейся в последние полгода.

– Не с дурой живешь, – как-то сказала ему Машенька, внимательно наблюдая за тем, как муж складывает в сумку спортивный инвентарь. – Достаточно просто сказать, что ты сегодня не придешь ночевать. Отчитываться вовсе не обязательно.

– Вот так просто взять и сказать? – улыбнулся жене Миша, но тему развить не успел, потому что позвонили с Эльзино номера. – У меня друг умер, – буднично сообщил он Маше и, перешагнув через сумку, пошел к дверям.

– Подожди, – бросилась за ним Маша, – я его знаю?

– Знаешь, – еле заметно усмехнулся Рузов, сглотнув ком в горле.

– Хочешь, я поеду с тобой? – Машенька даже не спросила, кто он, этот неожиданно появившийся на горизонте старый товарищ.

– Не надо, – отказался от ее участия Миша и странно добавил: – Ты и видела-то его один раз. Наверное, даже не запомнила.

«Еще как запомнила», – могла бы ответить мужу Машенька, если бы понимала, о ком речь. Об Эльзе она нет-нет да вспоминала, всякий раз представляя себе роскошную высокую брюнетку, похожую на Софи Лорен. «Живет сейчас где-нибудь в Ницце, – без зависти думала о ней Маша, – пишет мемуары. Какие-нибудь «Дневники Эльзы»... А что? Имеет право...»

Иногда Машенька всерьез задумывалась о том, смогла бы она сама пойти таким же путем? «Скорее всего, нет», – колебалась Маша и, проанализировав свой сексуальный опыт, убеждалась, что меркантильная сторона отношений ее абсолютно не волнует: удовольствие – вот главный мотив, побуждающий ее к действиям определенного рода. «А у других как?» – задумывалась она на минуту, а потом вспоминала о муже и мрачнела. Все в Мишином поведении теперь выдавало, что и у него существует параллельная жизнь. Теперь Машенька безошибочно распознавала ее приметы: сброшенный звонок, блуждающая улыбка после пикнувшего эсэмэс, долгие разговоры в комнате для гостей, неожиданные отлучки на тренировку, по делу, просто так, ибо взгрустнулось, мягкое зондирование, как планируются выходные и сможет ли семья выделить ему два-три часа на личные нужды.

«Вот и приплыли», – грустно улыбалась себе под нос Машенька и еле сдерживалась, чтобы не спросить: «Ну и как там у тебя? Давно?.. Серьезно?..» А самой не хотелось, чтобы «давно», а уж тем более чтобы «серьезно». Пережив разрыв с Феликсом, она поклялась себе самой, что больше никаких отношений ни с одним мужчиной. Но как всегда – просчиталась. И еще ко всему прочему – влюбилась. Умудрилась как-то влюбиться в немолодого и некрасивого вдовца с самым обыкновенным именем Ваня, который, похоже, самого себя стеснялся. Но что-то в нем было, в этом Иване, отчего все мысли при звуке его имени выстраивались в одну колонну и организованно двигались к одной-единственной цели. О сексе с ним Маша думала безостановочно. Возникало ощущение, что вся ее жизненная энергия уходила на решение всего лишь двух базовых вопросов: «Где? И когда?»

– Ко мне нельзя, – хмурился Иван. – У меня дети.

– Я понимаю, – входила в положение Машенька и, отложив все дела, занималась поиском квартиры.

– Противно на чужой кровати, – ворчал Ваня, но от встреч не отказывался, потому что Маша ему нравилась: веселая, аппетитная, в свои сорок с хвостиком так похожая на девочку, что трудно было не соблазниться.

По сравнению с мужчинами, прежде окружавшими Машеньку, был Иван скуп и прижимист, что и понятно – жизнь заставила. На Восьмое марта подарил три гвоздики, «Советское» шампанское и плитку бабаевского шоколада, не отступив ни на шаг от общепринятых еще в Советском Союзе устоев. Принимая презент, Маша улыбнулась. Заметил – разволновался, начал объяснять: важен не подарок, главное – внимание.

– Конечно, Ванечка, – тут же согласилась с ним Машенька и повела за руку к постели: ложись, мол, отдыхай, получай удовольствие, для этого и встретились, зачем время на разговоры терять? И так мало.

Катастрофическую нехватку времени супруги Рузовы ощущали постоянно, объясняя ее закономерным ускорением жизни в целом. «Приспособимся, – уверял жену Миша и подмигивал: – Уж на самое-то главное время всегда найдется!»

«С тобой-то – да», – встречно подмигивала мужу Машенька и казалась себе маленькой глупой мушкой, попавшей в мед. Вкусно, сладко, а засасывает: либо взлетай, либо уж погибай в сахарной приятности.

– А ты не хотел бы со мной остаться? – однажды спросила она у Вани, нежась в его объятиях в самой середине рабочего дня – святое дело, обед.

– Хотел бы, – смутившись, пробормотал Иван, а Машенька удивилась:

– Почему же не зовешь тогда?

– Не потяну я тебя, Маш. Ты женщина дорогая... К тебе особый подход нужен...

– Да я обыкновенная, Ванечка. Как все! Мне много не надо: всего-то росинку да маковое зернышко, – попробовала пошутить Машенька, а внутри похолодело: неужели откажется?

– А муж как? Это я вдовец, а у тебя – нормальная полноценная семья.

– Не такая уж она у меня и нормальная, – впервые произнесла вслух Маша: – У Мишки – своя жизнь, у меня – своя. Так... одна видимость осталась. Талдычим, как попугаи: «Доброе утро, любимая», «Доброе утро, любимый». А сами в телефон пьемся и лихорадочно соображаем, с кем, куда и когда.

– Так зачем же вы живете?! – искренне удивился Иван, человек простой, патриархальный по своим убеждениям. – Ладно, когда кто-то один гуляет, а вы-то оба!

– Оба, – сникла Машенька. – Ируську жалко... Одиннадцатый класс, пусть уж окончит, поступит. А там посмотрим...

Это «посмотрим» прежде всегда выручало Рузовых, позволяя откладывать насущные проблемы на непонятный «потом» без ущерба для жизни. И что удивительно – срабатывало! Как-то само собой рассасывалось, устаканивалось и забывалось. «Повезло!» – переглядывались в таких случаях Маша и Миша и по-прежнему надеялись на авось. И дочь в них пошла: на авось оканчивала школу, на авось собиралась поступать в местный педагогический университет, на факультет, тоже выбранный на авось, по принципу – «туда, куда баллов хватит»... Но не успела: авось закончился. Ирочка Рузова оказалась беременной и объявила о том, что уходит жить к бабушке.

– К какой, на хрен, бабушке?! – взвился Миша и потребовал, чтобы дочь назвала, кто отец ребенка.

– Это тебя не касается, – дерзко ответила Ирина, не отводя глаз.

– Просто папа хочет знать... – попыталась сгладить конфликт Машенька, но быстро осеклась: дочь посмотрела на нее с такой ненавистью, что ей стало страшно.

– Не вмешивайся, – рявкнул на жену Рузов и подскочил к дочери: – Ты обязана! – закричал он. – Ты нам с матерью пожизненно обязана, потому что мы твои родители. И мы растили тебя не для того, чтобы ты в семнадцать лет кувыркалась в постели с неизвестным мужиком!

– Почему с неизвестным? – криво усмехнулась Ирина и впиалась в отца взглядом: – Ты его прекрасно знаешь.

– Я-а-а? – опешил Миша и застыл с разинутым ртом после того, как Ирочка назвала имя его закадычного друга. – Убью!.. – Рузов схватился за телефон.

– Это лишнее, – цинично улыбнулась Ирина. – Чего ты удивляешься?! Вы ведь ничуть не лучше. И ты, и мама. Мне было у кого учиться! Поэтому не ори на меня и успокойся. Я все решила.

– Ирусечка, доченька, – залепетала обескураженная случившимся Маша. – Ну, может быть, еще что-то можно сделать? Безвыходных же ситуаций не бывает. – Она не осмеливалась назвать вещи своими именами. – Вдруг ты подумаешь-подумаешь...

– Это ты про аборт?

Маша молча кивнула.

– Аборт я делать не буду! – проговорила по слогам последнее слово Ирина и ушла к себе в комнату складывать вещи.

- Да уж... – помолчав какое-то время, протянул Миша, – Ирка не в тебя.
- И не в тебя, – отметила Машенька и, повернувшись к мужу, предложила: – Не хочешь поговорить?
- О чем? – усмехнулся Рузов, потемнев лицом.
- О нас. – Маша смело смотрела ему в глаза. – Все хочу у тебя узнать, как будем жить дальше?
- Так же, как и жили, – фыркнул Миша. – И по-моему, неплохо.
- А по-моему, плохо. – Она показала глазами на дверь в комнату Ирины.
- В семье, знаешь ли, не без урода.
- У урода есть родители, – напомнила мужу Машенька и взмолилась: – Слушай, Мишка, давай не будем валять дурака. Мы оба знаем, что у каждого на стороне есть... – она замялась, подыскивая слово, – пассия...
- Заметь, это сказал не я.
- Это сказала я. Можно я продолжу?
- Миша кивнул.
- Мне бы не хотелось сейчас, особенно сейчас, – она снова показала глазами на дверь в комнату дочери, – говорить о разводе. В сущности, меня все устраивает. Мы можем жить, как жили. Зачем нам лишние проблемы? Просто давай договоримся не мешать друг другу получать удовольствие от жизни.
- И как я должен себя при этом чувствовать? – помрачнев, уставился на жену Рузов. – Как я должен себя чувствовать, если кто-нибудь мне в глаза скажет: «Такой-то хрен трахает твою жену?»
- Но ведь мне могут сказать то же самое! Поэтому, – Машенька вымученно улыбнулась, – мы квиты. Ты знаешь, я даже рада тому, что у тебя кто-то есть. Мне даже легче, потому что я чувствовала себя ужасно перед тобой виноватой, особенно когда приходила домой и видела тебя таким...
- Каким? – усмехнулся Рузов.
- Уставшим... грустным... Сидишь на диване с закрытыми глазами и ждешь, когда я приду.
- А с чего ты решила, что я жду, когда ты придешь? – почти не разжимая губ, проговорил Миша. – Может быть, я так отдыхаю. Силы восстанавливаю... После, так сказать, продолжительных переговоров за закрытыми дверями без участия журналистов. Я понятно изъясняюсь?
- Понятно, – подтвердила Маша и полюбопытствовала: – И давно у тебя эти продолжительные переговоры?
- А у тебя? – Миша почему-то медлил.
- Давно, – честно призналась Машенька.
- И сколько журналистов в этом процессе участвовало? Много?
- Нет, – незаметно для себя солгала Маша. – А у тебя?
- Достаточно. Но тоже давно. Практически с первой недели после свадьбы, – Рузов принципиально решил ничего не утаивать. – Не ожидала?
- Не ожидала, – Машенька побледнела. – И как это тебе? Нормально?
- Нормально. Просто получаешь удовольствие, и все.
- А сейчас кто тебе мешает его получать?
- Ты, – потемнел лицом Миша. – Ты мне мешаешь. Вернее, мешала. Я, конечно, подозревал. Но сама понимаешь: не пойман – не вор... Я их знаю? – резко поменял он тему.
- Нет.
- Так расскажи! – саркастично потребовал Рузов. – Валяй, любимая, облегчи душу.
- Да я и так ее уже облегчила. – Маша оказалась достойным противником. – К тому же рассказывать нечего.

– Нечего или не хочешь?

– И нечего, и не хочу, – дипломатично ушла от ответа Машенька, одновременно преследуя две цели: Мишу не расстраивать и себя не подставлять под удар. Кто знает, как он среагирует?

Безусловно, признание жены Рузова задело. Сразу свой разговор с покойной Эльзой вспомнил: «Больше всего на свете боюсь, что моя Машка так же, как я, по чужим койкам шарится». «Кто? Машка?!» – расхохоталась тогда Эльза и покрутила пальцем у виска. А оказалось – правда. Недооценила, значит, Эльза его жену. Ошиблась... «Правильно говорят, – подумал Миша, – чего больше всего боишься, то и случается. Накаркал, мудака! Не жилось спокойно!»

– Чего молчишь? – насторожилась Машенька, глядя на задумавшегося мужа.

– Вспоминаю, – признался он, еще какое-то время помолчал, а потом ехидно поинтересовался: – Решила мне нос утереть, феминистка сраная? Или ты это не по идейным соображениям? Так просто?

– Так просто, – пытаюсь улыбнуться, прошелестела в ответ окончательно растерявшаяся Маша.

– Иди сюда. – Миша показал на место рядом с собой.

– Не хочу. – Машеньке стало страшно.

– Иди сюда, – прорычал Рузов и с силой притянул жену к себе. – Смотри.

Он достал из кармана сотовый и продемонстрировал Маше несколько фотографий столь откровенного характера, что та покраснела.

– А теперь сюрприз! – омерзительно пропел Рузов и запустил видео, на котором совокуплялись двое, периодически посматривая в камеру. – Помнишь, у тебя мечта была снять видео? Машенька лихорадочно затрясла головой: «Не помню».

– Ну как же не помнишь, любимая? Говорила же: «На память». Все хотела посмотреть, как это выглядит со стороны... Вот, смотри. – Он запустил видео заново.

– Мне неприятно, – попыталась вырваться Маша, но не тут-то было.

– Что естественно, то небезобразно, любимая, – продолжая ерничать, Рузов перелистывал фотографии: – Смотрю вот иногда на досуге, пока ты в своем телефоне роешься, я настраиваюсь...

– На что?

– На выполнение супружеских обязанностей. Специально смотрю, чтобы какой-то драйв был. Не возбуждаешь ты меня, Машка, в последнее время. Приходится вот искусственным образом обеспечивать эрекцию.

– То-то я смотрю, она у тебя такая вяленькая. Не помогают, значит, девочки?

– Почему? Помогают! Будь моя воля, я бы этих девочек пригласил. Не хочешь попробовать?

– Нет, – наотрез отказалась Машенька.

– А зря, – легко пожурил ее Рузов. – Удивительные ощущения, я тебе скажу. Хоть раз в жизни, но попробовать надо. Кстати, одна из них би. – Он ткнул пальцем в фотографию высокой худой брюнетки, как и положено, с большой грудью. – Двадцать семь лет. Замужем. Ребенок. Зовут... – Миша прищурился и выпалил: – Ксюша. И ты ей, кстати, очень нравишься.

– А ты меня со всеми своими Ксюшами обсуждаешь?

– А как же, любимая! Делюсь опытом, так сказать.

– Ты извращенец, Рузов. – Маша снова попыталась встать, но была грубо возвращена на место.

– Сиди. Тут еще много чего интересного. Вот, например, Леночка. Хорошая девочка, на тебя, кстати, в молодости похожа. Узнаешь?

Машенька скользнула взглядом по фотографии и отрицательно покачала головой.

– Между прочим, имеет на меня самые серьезные виды.

– А ты?

– А я, Машка, как ни странно, люблю тебя по-прежнему. Мало того, среди них тебе нет равных. Ты, так сказать, навеки отлита в золоте и поставлена на пьедестал как моя жена и мать моей дочери. И так было бы всегда, если бы кое-кто сегодня не раскрыл рот. Сама знаешь: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Мне чужая подстилка не нужна.

– То есть развод? – побледнев, уточнила Машенька.

– Развод, любимая, – с готовностью подтвердил Миша и с удовольствием потянулся, не заметив появления дочери.

– Давно пора, – поддержала отца Ирина, толкая перед собой сумку с вещами.

– Пошла отсюда, – резко отреагировал на реплику дочери Рузов и показал рукой на дверь. Ирина послушно направилась к выходу. – Не туда. К себе, – снова скомандовал отец, и она моментально подчинилась, потому что впервые он говорил с ней таким тоном.

– Как ты думаешь, Ируська все слышала?

– Какая теперь разница?! – устремив глаза в одну точку, потер подбородок Миша, а потом, широко улыбнувшись, добродушно воскликнул: – Эх, Машка-Машка, какие же мы с тобой дураки! А ведь могли бы жить, как там говорят, «долго и счастливо». Сколько лет мы с тобой женаты?

– Двадцать два года.

– Жаль, до серебряной свадьбы не дотянули.

– Все можно исправить, – сначала с фальшивым пафосом произнесла Машенька, а потом горько заплакала – поздно.

Признавшись мужу в своих грехах, она действительно испытала облегчение, но ровно на минуту, потому что поток встречных Мишиных откровений в комплекте с неопровержимыми фото- и видеодоказательствами подействовал на нее, как наркоз на пациента. Страх – беспмятство – возвращение в реальность. Маша ощущала непривычную аморфность собственного тела, как будто во время операции из него вытащили все кости, прежде державшие его в вертикальном положении. Хотелось обо что-нибудь опереться, но, кроме мужа, рядом никого не было. Машенька подумала об Иване, но тут же отбросила эту мысль в сторону: «Не помощник!»

– Не плачь, Машуль, – откликнулся Миша, по-своему довольный реакцией жены. «Положено так, – думал он. – Какая женщина легко примет готовность мужа развестись с нею?» Почему-то для Рузова было очень важно оставить последнее слово за собой, как будто от этого что-то зависело. Где-то в глубине души Миша надеялся, что Машенька не поддержит его идею и приведет массу доводов, чтобы избежать этого мероприятия, но надежды Рузова не оправдались: выплакавшись, жена со своей стороны подтвердила целесообразность развода и даже принесла свидетельство о браке. Но вот что странно: будучи хорошими родителями, ни тот ни другой не подумали о дочери, видимо, посчитав ее случай слишком мелким и незначительным на фоне того, что случилось с ними.

О том, что это не так, напомнила Мишина мать, явившаяся к сыну в воскресное утро спустя два дня после того, как тот отвез к ней Ирину.

– Ты чё, мам? – не очень-то дружелюбно поприветствовал ее Миша.

– А ничё, – ответила Марина Леонидовна и залепила Рузову пощечину. – Довели девку, изверги, – наступала она на Мишу, тесня того к дверям спальни. – Довели!

– Успокойся, – хватал мать за руки Рузов, но та продолжала хлестать сына по чему придется.

– Я тебе дам «успокойся»! – кричала Марина Леонидовна и требовала, чтобы появилась Маша. – Как щенка из дома девчонку выкинули!

– Никто ее не выкидывал, – вступилась за мужа Машенька и встала рядом. – Она сама так захотела.

– Больно много она у вас хотела! Ни в чем отказа не знала. Вот вам, пожалуйста!

– А мы-то тут при чем? – воспользовался Машиным появлением Миша и ретировался к плите, подальше от матери. – Мы ей с Машкой как самим себе доверяли, – выпалил Рузов и осекся: фраза прозвучала довольно цинично.

– Не доверять надо было, а проверять, – взялась за Машу свекровь. – Ты что, не знаешь, когда у дочери месячные ходят?

– Ей почти восемнадцать, она взрослый человек. Я что, ей в трусы должна заглядывать?

– Должна! – взвизгнула свекровь и еле удержалась, чтобы не толкнуть невестку.

Машенька отошла в сторону.

– Что ж вы за люди! – расплакалась Марина Леонидовна. – Ну что ж вы за люди, господи! Это ж ваше дите, единственное. Другого не будет.

– Ну я бы не была так уверена, – пробормотала Маша и, налив в стакан воды, подала его Мишиной матери: – Успокойтесь, пожалуйста, вам нельзя нервничать.

– Господи! – продолжала причитать свекровь, раскачиваясь, словно над гробом с покойником. – Что же делать-то? Как людям в глаза смотреть?

– А при чем тут люди? – наконец-то подал голос Рузов и подошел к матери: – Ты думаешь, у людей своих проблем нет?

– Есть, конечно, – вытерла слезы Марина Леонидовна. – Но не такие...

– Откуда ты знаешь какие? – Взяв мать за руку, Миша повел ее к дивану. – Ну вот откуда ты знаешь, какие проблемы у меня, у Машки? Ты о своих-то помнишь проблемах?

– Я – это я, – твердо ответила Марина Леонидовна. – Я – человек пожилой, сколько проживу, столько проживу. Не я первая, не я последняя, – вспомнила она про свою онкологию и моментально переключилась: – Ирке вашей, сынок, еще жить да жить. А у нас ведь как? Порченную девку замуж никто не возьмет, всякий пальцем тыкать будет, разговоры разговаривать. Это вы думаете, что ворота уже дегтем не мажут, а я знаю – мажут. А вы ее из дома – на улицу. Так-то поддержки нет, еще и вы... Может, ты, Маш, с ней поговоришь? Все-таки мать. Глядишь – послушает...

– Не послушает. – Машенька не питала никаких иллюзий. – Меня она не послушает.

– А кого же она послушает?! – схватилась за голову Марина Леонидовна.

– Позвоним? – неуверенно предложила Маша, имея в виду отца ребенка.

– Позвоним, – согласился с ней Рузов и набрал номер старого товарища. – Макс? – бодро начал он, а потом сорвался и заорал: – Ты знаешь, что ты подонок?

Макс что-то ответил.

– Она моя дочь! – прорычал Миша. – Этого достаточно! Что значит «сама захотела»? Тебе сколько лет, скотина?! А ей? Напомнить? Семнадцать ей!.. Да ты понимаешь, что это статья?

И опять Макс что-то ответил, отчего Рузов, хватанув воздуха, побледнел и заорал благим матом:

– Да мне плевать, что она не девочка! И что по обоюдному согласию! Беременна-то она, а не ты!

– Дай мне трубку, – не выдержала Маша и выхватила из Мишиных рук телефон: – Алле, Макс? Выслушай меня, пожалуйста. Ирочка беременна... Говорит, от тебя.

Минуту Машенька молчала, внимательно вслушиваясь в стрекот сотового, а потом, покрывшись красными пятнами, разом обмякла и беспомощно посмотрела на Рузова:

– Он требует генетической экспертизы.

– Хер ему, а не генетическую экспертизу, – разозлился Миша, хотя обвинять бывшего друга в том, что тот усомнился в собственном отцовстве, было нелепо: имеет право.

– Упустили вы ее, сынок, – запричитала было Марина Леонидовна, а потом выдала: – Скажите, ваш. Ваш ребенок-то.

– И как ты себе это представляешь? – удивился материнской находчивости Миша. – Подушку, что ли, Машке привязывать?

– А хоть бы и подушку... – подтвердила Марина Леонидовна и предложила увезти Ируську из города.

– Вы что? С ума сошли?! – возмутилась Машенька, представив, как будет изображать беременную в свои-то сорок четыре года при помощи подручных средств.

– А чё такого-то, дочь? – взялась уговаривать ее свекровь. – Чай, не всю жизнь с курдюком ходить!

– Не всю, – согласилась с ней Маша и иронично добавила. – Всего-то полгода.

– А что, на эти полгода у тебя какие-то особые планы? – ехидно уточнил Рузов, несколько задетый Машенькиной нерешительностью. С его точки зрения, первое, что она должна была сделать как мать, так это броситься спасать честь дочери вместо того, чтобы торговаться. – Не о себе в этой ситуации надо думать, – назидательно изрек он, присев рядом с матерью.

– О тебе, – огрызнулась в ответ Маша, быстро просчитавшая, на какие жертвы ей придется идти ради условного спасения семейной чести. – Я подумаю, – пообещала она свекрови и поставила жесткое условие – сначала поговорить с Иррой.

– Ну, Ирину я беру на себя, – самоуверенно взялась за дело Марина Леонидовна, наивно полагая, что имеет на внучку хоть какое-то влияние.

– Что-то я сомневаюсь... – призадумалась Машенька и оказалась права: дочь категорически отказалась прислушаться к бабкиным увещаниям и пригрозила, что уйдет на квартиру.

– А деньги откуда? – резонно задала вопрос Марина Леонидовна, но быстро пошла на попятный, заметив презрительный взгляд внучки. – Я ж не гоню тебя, Ир, живи, пожалуйста, – затараторила она, понимая, что этим вопросом подорвала доверие в свой адрес.

– Конечно, не гонишь, – со слезами в голосе проговорила Ирина и чуть слышно добавила: – Никто меня не гонит, а пойти некуда.

– А я на что?! – вскочила Марина Леонидовна и закружила вокруг внучки. – Думаешь, не справимся?! Еще как справимся! Бог даст, годок-другой проживу, а там – время покажет. Знаешь, как говорят: «Человек полагает, а господь располагает». Глядишь, и мамка с папкой остынут, тоже помогут.

– Они себе-то помочь не могут, – в точку отметила Ирина и обняла бабу, по-старчески прильнувшую к ней со словами: «И без них справимся».

О том, что «Иринка вычеркнула их из своей жизни», Марина Леонидовна донесла детям незамедлительно:

– Не принимает, – вздохнула она и, насупившись, посоветовала: – А вы все равно просите. Все-таки кровь родная, глядишь – сподобится.

* * *

Но ни Ирина не сподобилась, ни ее родители особо настаивать не стали. И не потому, что не любили свою дочь, а потому что решать проблему на расстоянии им казалось смешно. «Пусть перебесится», – обозначили Рузовы свою позицию и переключились на вопрос перво-степенной важности: как жить дальше? Ответ на него они знали оба, но почему-то медлили: то Миша не может при подаче заявления о расторжении брака присутствовать, то Маша. Причем не нарочно: само по себе так получалось, как будто не время пока.

«А если и правда рано об этом думать?» – задавали они себе этот вопрос поочередно, не замечая, как легко придумывается очередной повод для того, чтобы ничего не предпринимать.

– Просто мы с тобой страусы, – грустно подшучивала над ситуацией Машенька и вставала к плите готовить ужин, без которого теперь не обходился ни один вечер.

– Лично я – нет. – Миша не разделял позицию жены и честно считал, что все можно поправить, надо просто уметь договариваться. К тому же и пунктов в договоре не так уж много. Первый – Маша отказывается от личной жизни на стороне. Второй – Миша оставляет все как есть.

– Я не согласна, – упрямылась Маша и выдвигала свои условия: – Если мы действительно пытаемся сохранить наш брак, то тогда каждый начинает жизнь с чистого листа.

– Да так и произойдет, – уверял ее супруг, – просто дай мне время. В конце-то концов я в ответе за тех, кого приручил.

– И сколько их, этих твоих «домашних животных»? – Машенькины нервы не выдерживали, и она задавала вопрос, ответ на который мог длиться часами: пока ужинали, пока гуляли...

Совершенно очевидно, что между супругами возникла какая-то противоестественная близость, от которой, судя по всему, страдали оба, но тем не менее оба к ней упорно стремились. В эти моменты Рузов с воодушевлением рассказывал жене о мельчайших подробностях своей интимной жизни, не забывая называть имена, описывать сексуальные позы и характерные для них ощущения. Периодически он плотоядно посматривал на идущую рядом Машеньку и предлагал вернуться домой, чтобы попробовать то же самое вместе.

– Не хочу, – твердо отказывалась та, но Мишиного повествования не прерывала.

Спустя две недели с момента первого признания Маша знала всех фавориток своего мужа по именам и легко отличала одну от другой по степени приближенности к царской особе. Рассказы мужа носили столь детализированный характер, что Машенька легко «составила досье на каждую»: семейное положение, пищевые пристрастия и эротические предпочтения. Более того, Маша была посвящена и в то, как его любовницы к ней относятся.

– Разумеется, хорошо, – заверил ее Рузов. – Они же знают, что ты женщина, которую я люблю. И с этим нельзя не считаться...

Его логика обескураживала Машеньку, она замолкала и, замороженная отсутствием здравого смысла, плелась рядом, как преданная собачонка за хозяином, от которого можно было ждать чего угодно: и пинка в бок, и сахарной косточки.

– Ну что ты, Машуль, как неживая? – искренне удивлялся ее молчанию Миша и заливался соловьем на предмет того, что на дворе – май, пора любви, когда все в мире совокупляется, потому что без этого немыслима жизнь, а значит, и его случай есть не что иное, как проявление законов природы. – Потому прими ситуацию как есть, – советовал жене Рузов и чувствовал себя победителем.

– Ты тоже, – огрызалась Маша и, развернувшись, шагала в другую сторону, подальше от этой бессмыслицы.

– Иди-иди, – кричал ей вслед Миша, а потом догонял и, преградив дорогу, пытался обнять.

– Отстань от меня, – отбивалась от него Машенька, но тщетно, потому что, оказавшись в объятиях мужа, успокаивалась и опять покорно шла рядом, пытаясь не вслушиваться в Мишины эскапады.

– Ты меня унизила. Ты меня унизила, – бормотал он как заведенный. – Если бы ты знала, что я испытывал, когда ты мне рассказывала про своих кобелей.

– Я не рассказывала тебе ни про каких кобелей! И я не сучка! – взрывалась Маша и с остервенением лупила мужа по всему, до чего могла дотянуться: – Я просто сказала, что виновата перед тобой. И все! Никаких подробностей!

– Успокойся! – орал на нее Рузов и, схватив Машеньку за руки, прижимал к себе.

– Пусти меня! – не переставая кричать, поначалу вырывалась Маша, а потом замирала и снова прижималась к нему.

– Ну вот и хорошо, – шептал Миша и покрывал поцелуями лицо жены, даже не замечая соленого привкуса на своих губах.

Нацеловавшись вдоволь, Рузовы возвращались с прогулки, пили чай, избегая смотреть друг на друга, а потом шли в спальню, где любили друг друга не так, как прежде, а с большей отдачей, потому что всякое соитие могло оказаться последним. Так, во всяком случае, думала Машенька, безуспешно отгонявшая от себя мысли о том, что ничего исправить нельзя. Она кляла себя за безрассудство, с которым призналась мужу в собственных грехах, но тщетно: ящик Пандоры, открытый ею, оказался бездонным. И вот что странно: сама Маша не переставала с интересом заглядывать в него в поисках очередной шокирующей подробности.

Болезненное любопытство толкало ее на поступки, о которых она прежде и подумать не могла. Проявлялось это в том, что Машенька совершенно спокойно рылась в телефоне мужа, внимательно изучая его переписку с любовницами, их фотографии ню, фрагменты видео, на которых оказались запечатлены Мишины сексуальные эксперименты. Некоторые особенно впечатлившие ее тексты и снимки она даже перекачала в свой сотовый, чтобы рассматривать их на досуге. А потом додумалась до того, что вступила в переписку с наиболее активными Звездочками и Бусинками, которым не преминула заметить, что на Рузова они могут претендовать только в будние дни и исключительно в рабочее время, то есть до 18.00. В противном случае, пообещала она соперницам, ей придется прибегнуть к средствам более действенным, чем уговоры.

– К каким? – угрюмо полюбопытствовал Миша, проинформированный возлюбленными, и обомлел, услышав ответ:

– Мужья, дети, мамы, папы, – скороговоркой перечислила Машенька и омерзительно улыбнулась мужу: – В борьбе за место под солнцем все средства хороши. И потом, не забывай, у страховых компаний – богатейшая база данных! Да и телефонные номера проверить несложно...

– Ты с ума сошла?!

– Почему? – Маша с недоумением посмотрела на мужа.

– Ты разрушила нашу семью. Теперь будешь разрушать чужие?!

– Что значит «чужие»?! Мы с твоими Бусинками фактически близкие родственники. Так сказать, хреновые сестры, – пошло схомила Машенька и торжествующе хохотнула: – А ты что думал? Что я буду сидеть и ждать, пока ты соизволишь насытиться? Ну уж нет! Или мы оба живем так, как считаем нужным, или разбегаемся. Все равно терять нечего!

– Я подумаю, – отказался продолжать разговор Рузов и скрылся в комнате для гостей. «С любовницами своими советуется», – предположила Маша и на цыпочках подошла к двери, напряженно вглядываясь в матовое стекло, сквозь которое проглядывал Мишин силуэт. «Так тебе и надо!» – позлорадствовала Маша, до конца не понимая, какое количество людей оказалось ею выстроено перед чертой, за которой не бывает счастья.

Мысль о мести не оставляла ее еще какое-то время, но ровно до тех пор, пока не пришло это проклятое эсэмэс, после которого вновь забрезжила надежда на лучшее. «Давай уедем, – писал ей Рузов. – Заберем Ирину и уедем к чертям собачьим, чтобы начать все сначала, как ты хочешь, с чистого листа». Не поверив своим глазам, Маша трижды перечитала сообщение. Не справившись с эмоциями, она набрала Мишин номер и в волнении замерла:

– Да, любимая, – поприветствовал жену Рузов и замолчал.

– Повтори мне все, что я только что прочитала, – потребовала Машенька.

– Давай уедем, – в трубке зазвучал голос прежнего Миши. – Ты, я и Ирка.

– А как же дом?

– Да черт с ним, с этим домом. Новый выстроим.

– А как же «мы в ответе за тех, кого приручили»?

– Ну... Если ты до сих пор не пробила их по своей базе данных, – усмехнулся Рузов, – то, в принципе, им ничего не угрожает.

– Да я и не собиралась, – чистосердечно призналась Маша и поблагодарила мужа: – Спасибо, что выбрал меня.

– Я выбрал нас, – поправил жену Рузов и пожелал ей хорошего дня.

«Трижды хорошего дня», – тут же настрочила ему в ответ Машенька и почувствовала себя такой же счастливой, как в старые добрые времена.

В течение всего дня она вновь и вновь перечитывала сообщение мужа и загадочно улыбалась себе под нос. Градус доверия к миру увеличивался с каждой минутой, и Маше стало трудно переживать это состояние в одиночку, поэтому она позвонила дочери. Но вместо желанного «Здравствуй, мама» нарвалась на вопрос, заданный таким тоном, что у Машеньки сразу же испортилось настроение.

– Вспомнила? – язвительно поинтересовалась Ирина.

– Да я и не забывала о тебе. – Маша пыталась сохранить в себе хоть каплю прежнего настроения.

– Ну, это не новость, – отбрила ее дочь. – Ты по какому поводу? Тебя сроки интересуют?

– Какие? – Маша не сразу сообразила, о чем говорит Ирина.

– Нормально! – делано захохотала та и, прокашлявшись, добавила: – Не волнуйся, пожалуйста, экзамены я сдам, аттестат получу... Хотя, в сущности, какая вам с отцом разница? Вы же современные люди: каждый живет своей жизнью, нисколько не стесняясь и не заморачиваясь. Только знаешь, что я тебе хочу сказать, дорогая моя мамулечка?

– Что? – прошептала Маша.

– Посмотри на себя, пожалуйста, в зеркало.

– Зачем?

– Затем! Ты, конечно, еще не пожилой человек, но близко к этому. Вот и подумай, кому ты будешь нужна?

– Может быть, твоему отцу? – Голос Машеньки немного окреп.

– Уверяю тебя, нет. Моему отцу будут нужны мои ровесницы. Тетеньки твоего возраста – это отработанный материал.

– Что я тебе сделала? – растерялась Маша и еще сильнее прижала трубку к уху.

– Теперь это не важно...

– Нет, это важно. Я хочу знать, за что ты меня наказываешь?

– За то, что ты неряха!

– Неряха? – переспросила дочь Машенька, досадуя на себя за то, что не нашла силы прервать разговор в тот момент, когда прозвучало ехидное «Вспомнила?».

– Телефон не надо бросать где попало, особенно с открытыми эсэмэсками: «Я чувствую, как твой член входит в меня...» – процитировала Ирина и с сарказмом добавила: – Нормально так, да?

– А ты уверена, что это был мой телефон?

– Уверена. Когда пишут папе, член называют другим словом. Сказать каким?

– Не надо, – отказалась от «расшифровки» Маша и попросила дочь хоть изредка звонить ей.

– Зачем?

– Потому что я люблю тебя, – коротко ответила Машенька и, отключив телефон, бросила его в верхний ящик рабочего стола, где тот и провалялся до самого вечера.

Собираясь домой, Маша обнаружила «пропажу» и в поисках сотового навела порядок на рабочем месте, выбросив в мусорную корзину ненужные презенты – магниты, открытки-

мотиваторы, бесполезные блокнотики, валентинки, недоеденные конфеты в смятых обертках и пару фотографий, на одной из которых был запечатлен Феликс.

«Как будто из другой жизни», – вздохнула Машенька и включила сотовый, надсадно зазвякавший от потока приходящих сообщений. «Абонент такой-то не может вам позвониться» – читала она и улыбалась: этим абонентом был Миша. «Скучает», – обрадовалась Маша и перезвонила ему, чтобы вновь поблагодарить за верность интересам семьи и за решение сохранить брак, невзирая на массу отягчающих обстоятельств. «Абонент временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее», – донеслось до ее ушей, и желание увидеть мужа стало еще сильнее. По дороге домой Машенька, не переставая, набирала Мишин номер и всякий раз натывалась на знакомое сообщение: «Не доступен... Попробуйте... Не доступен... Попробуйте».

«Последний раз», – пообещала себе Маша и предприняла еще одну попытку дозвониться, которая неожиданно оказалась успешной: Рузов откликнулся после первого же гудка.

– Да, Машуль... – прерывающимся, словно после долгой пробежки, голосом ответил он и откашлялся в сторону. – Ты уже дома?

– Нет, – ответила Машенька и, не выключив телефон, опустила его в сумку: говорить больше было не о чем, достаточно было услышать это дыхание, дыхание спринтера, пришедшего к финишу. – Совет да любовь, – пробормотала себе под нос Маша и поняла, что жить ей больше незачем.

* * *

Трясаясь в маршрутке, она спокойно размышляла о том, что называется «последним распоряжением усопшего». «Наверное, надо заехать к маме и к Ируське попрощаться», – промелькнуло в ее голове и исчезло: не хотелось терять ни минуты. Машенька порылась в сумке, достала ключи, переложила их в карман и пересела на первое сиденье, поближе к выходу.

«Быстрей бы!» – торопила она время и не отрываясь смотрела в окно, отмечая, сколько еще осталось. На остановке возле торгового центра Маша вышла, отметив для себя нетипичную для пятницы безлюдность: ни одного человека, только огромная блохастая псина возле урны. «Лежишь?» – поприветствовала ее Машенька и потянулась, чтобы погладить. Напугавшись протянутой руки, собака вскочила на ноги и злобно оскалилась. «Дурочка!» – ласково пропела ей Маша и направилась к ларьку с многообещающей вывеской «Мясные деликатесы».

– Дайте докторской, – обратилась она к изнемогавшей от скуки продавщице и оглянулась: псина стояла на прежнем месте.

– Для себя берете? – рассекретила Машеньку стоявшая за прилавком женщина, уставшая огорчаться от того, что вверенные ей «мясные деликатесы» будут уничтожены не самым достойным потребителем. – Если для этой, то и ливерной обойдется. Не самая голодная. Ее тут многие прикармливают, поэтому и сидит, караулит. У-у-у! Прорва мохнатая! – погрозила она пальцем сидевшей неподалеку собаке и взялась за батон колбасы. – Мне-то чё? У богатых свои причуды! Сколько ей?

– Как рука возьмет, – невнятно определила объем Маша, что привело продавщицу в бешенство.

– Что значит «как рука возьмет»? – взвизгнула она, словно Машенька замахнулась на святая святых – узаконенную в России таблицу мер и весов. – А если рука целиком возьмет? – тетка потрясла перед Машиным лицом батон колбасы.

– Тогда целиком давайте, – подтвердила свою готовность заплатить за продукт Маша и обнаружила, что псина подобралась к ней поближе. – Только если вам не сложно, разрежьте ее на несколько частей.

– Вот возьмите сами и разрежьте, – проворчала продавщица, но просьбу выполнила: на какой-то момент стало жаль эту стоявшую напротив дуреху, выкинувшую на ветер столько денег.

– Спасибо, – поблагодарила ее Машенька и, постукивая по бедру ладонью, жестом подзвала собаку к себе.

– Жулька ее зовут, – высунувшись из ларечного окна, подсказала внезапно подобревшая тетка и выкинула какие-то обрезки: – Иди жри, лярва!

Дождавшись, пока Жулька подберет с земли заветрившийся мясной мусор, Маша достала из пакета шмат колбасы и показала его собаке:

– Идем со мной, – поманила она ее и медленно побрела в сторону дома.

Обалдевшая от счастья псина всю дорогу шла рядом, останавливаясь только для того, чтобы слопать причитавшийся ей кусок колбасы. Пока Жулька ела, Машенька терпеливо поджидала ее, не переставая думать о «пустяках». Например, о том, как Мальчик-с-пальчик бросал хлебные крошки, по которым потом намеревался найти дорогу домой, а их склевали птицы. Теперь-то она хорошо понимала, что такое исчезающая на глазах последняя «крошка» надежды, и поэтому внимательно вглядывалась во все, что попадалось ей на глаза. «Должен быть какой-то знак», – бормотала себе под нос Маша и напрасно озиралась вокруг в поисках «подсказки», но, кроме заискивающе заглядывающей в глаза Жульки, рядом никого не было. «Только ей и нужна», – подумала Машенька и вспомнила о дочери, цинично назвавшей ее сегодня «отработанным материалом». «Плевать», – честно призналась она себе и попыталась представить, какой будет Мишина реакция, когда тот обнаружит ее болтающейся на балке второго недостроенного этажа. Где-то она читала, что смерть через повешение сопровождается массой неприглядных нюансов вплоть до непроизвольного опорожнения мочевого пузыря, но сейчас это было абсолютно не важно: смерть в принципе безобразна. К тому же страх нелепо приятно выглядеть на смертном одре уже один раз сыграл с ней злую шутку. Помнится, тогда Маша боялась утратить рассудок, наивно полагая, что это можно сделать только в бредовом состоянии. Но на самом деле – рассудок она утратила в тот самый момент, когда не сумела справиться с собственной ложью и попыталась предстать перед мужем циничным человеком, только и думающим о том, как продлить сомнительное удовольствие на стороне. «Люди, влюбленные в жизнь...» – горько усмехнулась себе под нос Машенька, повторив Мишино выражение, и отомкнула калитку:

– Проходи, гостем будешь, – пригласила она Жульку и первой вошла во двор.

Псина степенно последовала за ней и, обнаружив пустую конуру, оставшуюся от прежней собаки, сразу же заняла ее, продолжая глазами следить за новой хозяйкой.

– Выгонят тебя, дурища, – пообещала Маша Жульке и тоскливо обвела взглядом двор, пытаясь запомнить эти вымахавшие за пятнадцать лет елки, стоявшего под ними грязного пластового гнома с облупленным фонариком в руке и синий лоскут майского неба.

Сделав над собой усилие, Машенька перешагнула через порог и, прихватив из бывшей мастерской моток шелкового шнура для занавесей, полезла на второй этаж, отметив про себя недовольное рычание Жульки. «Чует, видимо», – решила она и, встав на старый табурет, оставленный для грязных работ по дому, попробовала перекинуть моток через балку: ничего не получилось. Тогда Маша подтащила заляпанные побелкой козлы, взобралась на них с табурета и спокойно приладила шнур к балке, пытаясь соорудить петлю. Пока думала, как это сделать, трижды принималась лаять оставленная внизу Жулька, словно уговаривая Машеньку не делать ничего дурного.

«Господи! – разозлилась на собаку Маша. – Повеситься и то спокойно не дадут».

– Фуу! – прокричала она Жульке, как будто та могла ее услышать, и наконец-то накинула петлю на шею: – Последнее слово осужденного. – Маша еще пыталась шутить. – Простите меня все. Пожалуйста... – попросила она, и на «пожалуйста» ее голос сорвался: Машенька запла-

кала. – Господи, господа, – повторяла она снова и снова, собираясь с духом, чтобы шагнуть вниз, но не успела.

– Стой где стоишь, дура! – прокричал Рузов и в мгновение ока взобрался к ней на козлы. – С ума сошла?! Ты что делаешь?!

– Это ты что здесь делаешь? – трясаясь как осиновый лист, проскулила в ответ Маша и безвольно осела в руках мужа.

– Жизнь свою спасаю, – проворчал Миша и с силой, чтобы не вырвалась, прижал жену к себе.

– Мою? – вцепившись в мужа обеими руками, уточнила Машенька и закричала на одной ноте, услышав ответ: «Нашу».

«Нашу жизнь, нашу семью, нашу дочь, нашу любовь» – тикало в Машиной голове все то время, что Рузов мыл ее в бане, укладывал, как маленького ребенка, в кровать, поил чаем с ложечки и гладил по голове.

– Засыпай, любимая, – ворковал над женой Миша и обещал, что прямо завтра напишет заявление на перевод в другой город, что уговорит Ирку вернуться домой, что поменяет номер и отстроит второй этаж.

– Зачем? – через силу улыбнулась ему Машенька, не отводя глаз.

– Пусть будет... – прошептал Рузов и прилег рядом, чтобы вновь стать одним целым.

– Пусть... – одними губами проговорила Маша и задремала, поверив в каждое произнесенное мужем слово.

– Спи-спи, – пробормотал в ответ Миша и, пробравшись под одеяло, начал торопливо стягивать с себя брюки, чувствуя особое возбуждение рядом с обессиленной женой.

– Ты дебил, Рузов? – злобно отреагировала на его поползновения Машенька и повернулась к нему лицом.

– Почему дебил? – искренне удивился ее реакции Миша и попытался коснуться ее груди. – Мы же любим друг друга. Почему нет?

– А тебе на сегодня не хватит?!

– Мне – нет, – пробормотал Рузов и ловким движением повернул жену к себе спиной. – Тебе понравится...

– Мне не понравится, – отчеканила Машенька и схватила мужа за руку. – Я не хочу.

– Зря, Машуль, – заюлил Миша, а потом отодвинулся и, зевая, произнес: – Но если пере думаешь, разбуди меня: я готов.

«Урод!» – произнесла про себя Маша и накрылась с головой одеялом.

* * *

Проснулась уже под утро, от нехватки свежего воздуха и в полной темноте. Пока догадалась, что запуталась в одеяле, напугалась: на каком свете находится? Выбравшись наружу, облегченно вздохнула, увидев рядом мирно посапывающего Рузова. Приподнявшись на локте, Машенька с интересом уставилась на мужа, подмечая некрасиво оттопыривавшуюся на выдохе губу, шелушащийся верхний край уха. Вероятно, так было всегда, но прежде ничего подобного Маша не замечала, а вот теперь увидела и поняла: такой же, как все. «Красота в глазах смотрящего», – кстати вспомнила она известное выражение и легко коснулась указательным пальцем оттопыривающейся губы. От прикосновения Рузов хрюкнул и, не просыпаясь, повернулся на другой бок. Сползшее одеяло обнажило покрытую светлыми волосами ногу, и Машенька еле удержалась, чтобы не ущипнуть ее: неудержимо захотелось сделать нечто такое, отчего Мише стало бы больно. Волна озорной агрессии поднялась в ней и смыла вчерашнюю досаду: Маша соскочила с кровати и вышла в гостиную.

Первым досталось Мишиному сотовому, который она изящно, двумя пальцами, опустила в бокал с недопитым чаем. Потом экзекуции подвергся форменный галстук мужа, коим Машенька вытерла пыль и жир со всех кухонных поверхностей. Удостоверившись, что тот покрылся необходимым количеством трудновыводимых пятен, она аккуратно свернула его и положила в карман кителя, зная, что теперь Рузов вынет галстук только в понедельник, когда доберется до работы. Последним актом мщения стала чистка сантехники зубной щеткой супруга. Настроение Маши стремительно улучшалось, о чем свидетельствовала особая легкость ее движений. Она буквально порхала по дому, теперь представшему перед ней совершенно в другом свете. Ей снова захотелось в нем жить, потому что, Машенька почувствовала это, она сможет в нем быть счастливой. И, скорее всего, все с тем же Мишкой, слабости которого ей отчасти напоминали свои собственные, но только отчасти. Ведь ей самой не нужно было ни за чем и ни за кем гнаться, время не торопило ее, наоборот, подсказывало, что нужно жить медленно, вдумчиво и с удовольствием. Почти так же, как и всегда, только с иным настроением: твоя жизнь – это подарок. Твой подарок. Вот им и распоряжайся! Причем мудро! Не так, как вчера.

«Буду!» – пообещала себе Маша и испытала острое желание выти из дома, как будто ее кто-то ждал там, снаружи. «Жулька!» – вспомнила Машенька и заторопилась, увидев заглядывавшую в окно псину, поразительно похожую на Альфа из одноименного американского сериала. Так же как и у мохнатого инопланетянина, у Жульки была вытянутая морда с черной нашлепкой влажного носа, от которого на стекле оставались мутные разводы.

Завидев в окне вчерашнюю добрую фею, собака взвизгнула и замахала хвостом с такой интенсивностью, что Маше показалось: еще немного, и та взлетит. Тогда Машенька распахнула входную дверь, и Жулька, бросившись к ней под ноги, жалобно закулила.

– Ну чего ты, чего ты?! – приговаривая, потрепала ее за холку Маша и пошла следом, уворачиваясь от псины, целенаправленно ведущей ее к калитке. – Выйти хочешь? – догадалась Машенька и выпустила Жульку на улицу, где та торжествующе сделала пару кругов и присела в характерной собачьей позе.

– Умница! – похвалила ее Маша, приятно пораженная Жулькиной «воспитанностью»: похоже, та воспринимала чужую конуру и бетонную площадку двора как свой дом. «Оставить, что ли?» – озадачилась Машенька, наблюдая за резвящейся псиной:

– Пойдешь? – вслух поинтересовалась она, а собака, словно понимая, о чем речь, мигом «нырнула» во двор и уселась возле конуры с хозяйским видом, не забывая пристукивать хвостом о бетон.

«Вот полку и прибыло», – усмехнулась себе под нос Маша и с грустью вспомнила об отделившейся дочери. «Надо идти, – решила она. – Уговаривать».

Как это сделать, Машенька пока плохо представляла, найти слова, которые могли бы убедить дочь вернуться домой, было нелегко. Но почему-то внутри Маши воцарилось странное спокойствие, подсказывающее ей, что слова найдутся обязательно. Они есть, просто надо умудриться услышать их в себе и достать, когда это будет необходимо.

«Я смогу», – убедила себя Машенька и, не умываясь, бросилась из дому, нацепив спортивный костюм прямо на голое тело.

– За фигурой следим? – добродушно приветствовали ее соседи по улице и по-свойски интересовались: – А чё ж сам-от?

– А «сам-от» спит, – не останавливаясь, сообщала Маша и продолжала двигаться вперед в сопровождении благодарной Жульки, ставшей бесконечно преданной новой хозяйке буквально за последние пятнадцать часов.

Марина Леонидовна встретила невестку неприветливо, удивившись не столько ее появлению, сколько собаке, в компании которой она возникла на пороге ее дома:

– Дочку, что ль, завели?

– Да кто его разберет, – отшутилась Машенька: – То ли дочку, то ли внучку... Ируська встала?

– Ируська-то? – Марина Леонидовна чувствовала себя хозяйкой положения, поэтому с ответом не торопилась.

– Мам, хватит. – Маша быстро поняла склочное настроение свекрови. – Я поговорить с ней хочу. Может, вернется?

– Может, вернется, – довольно ехидно улыбнулась невестке Марина Леонидовна и, насупившись, добавила: – А может, и не вернется... Откуда я знаю. Сиди – жди, пока явится.

– А что, ее нет разве?

– «Нет разве», – передразнила свекровь Машеньку и пошла на невестку рассерженным индюком: – Это мыслимое ли дело?! – возмутилась она. – У ребенка первый этот ЕГЭ, а родители знать не знают и ведать не ведают! Не стыдно?!

– Стыдно, – призналась Машенька, чем полностью обезоружила воинственно настроенную свекровь.

– И мне, Маш, стыдно! Соседи глядят, спрашивают, чё, мол, почему, мол? А я как кукушка: «Ку-ку, ку-ку...» А живот расти начнет?

– И что? – вскинула голову Маша. – Кому какое дело?

– Да всякому! – всплеснула руками Марина Леонидовна и, поджав губы, прошептала: – Ты думаешь, про вас с Мишкой не говорят?

– Думаю, говорят, – улыбнулась Машенька и попрощалась: – Пойду я.

– Не будешь, значит, ждать?

– Не буду, – обманула свекровь Маша и направилась к школе, возле которой дежурил добровольный родительский «патруль». – Здравствуйте, – доброжелательно поприветствовала всех Машенька и встала рядом в надежде разжиться хоть какой-нибудь информацией о том, что происходит сейчас за закрытыми дверями, но вместо этого нарвалась на целый шквал вопросов о поступлении, о покупке платья на выпускной, о подарках для учителей и так далее. Поначалу Маша попыталась как-то реагировать, а потом быстро поняла, что в ее ответах никто, по большому счету, не нуждается, никому они не интересны, равно как и неинтересна и она сама, и ее дочь.

«Дураки вы!» – пробормотала себе под нос Машенька и вместе с верной Жулькой отошла в сторону, прочь от сгустившегося родительского волнения по пустякам. «Не о том беспокоитесь, глупые!» – Маше захотелось предупредить их, но она не решилась, понимая, что через месяц-другой и так станет предметом интенсивных дискуссий на предмет родительского попустительства и безответственности.

– Будем ждать здесь, – обратилась Машенька к Жульке и уселась на врытую в землю автомобильную крышку, выкрашенную в синий цвет.

Ирина вышла одной из первых и с перекошенным лицом направилась к школьным воротам. «Плохо себя чувствует», – моментально догадалась Маша и окликнула дочь. Та даже не повернулась.

– Ира! – закричали ей вслед другие родители, и Ирина остановилась.

– Чего тебе? – Она не была расположена к разговору и явно торопилась уйти как можно скорее.

– Можно я тебя провожу? – робко предложила Машенька, догнав ее, и приготовилась к активному сопротивлению. Каково же было ее удивление, когда дочь в ответ одобрительно кивнула, не произнеся при этом ни единого слова.

«Господи, помоги мне!» – мысленно взмолилась Маша и заговорила:

– Вчера произошло нечто, что перевернуло всю мою жизнь.

Ира вопросительно посмотрела на мать.

– Позволь мне не вдаваться в подробности, – увильнула от ответа Машенька, чем вызвала в дочери еще большее любопытство. – И я подумала, что не имею права оставлять тебя одну... А еще я подумала, что у каждого из нас есть право на ошибку. И у тебя, и у меня, и у папы. Вернись, пожалуйста. – Маша остановилась и легко коснулась Ириной руки. Лизнула ее и при-
смирившая Жулька, как будто понимавшая, что между этими двумя происходит что-то важное. – Прошу тебя... – Машин голос дрогнул, но она сдержалась, прямо глядя в глаза дочери.

– Чтобы ты меня все время потом попрекала? – нахмурилась Ирина.

– Как ты меня? – грустно улыбнулась в ответ Машенька и взяла дочь под руку. – Что случилось, то случилось.

– Все равно уже ничего исправить нельзя, – отозвалась Ирина и потупилась.

– А зачем? – Маша остановилась. – Начнем новую жизнь: ты, я и папа.

– Не получится, – напомнила матери Ируська и похлопала себя по абсолютно плоскому еще животу.

– Мне кажется, будет девочка, – еле слышно предположила Машенька и, вытерев навевшиеся слезы, повела дочь домой под аккомпанемент истошного лая Жульки, возмнившей себя охранницей.

* * *

Об их приближении Рузов догадался сразу же, как только увидел из кухонных окон мечущуюся возле дома то взад, то вперед псину, о которой хотел узнать у жены еще вчера, но не успел: были, помнится, дела поважнее.

– Вас издали слышно, – буднично поприветствовал Миша своих женщин, сделав вид, что ничуть не удивлен появлению дочери. – А что, эта тварь теперь с нами? – Он кивнул в Жулькину сторону.

– С нами, – задорно подтвердила его предположение Маша и, оставив Ирину с отцом, вошла в дом.

– Как она тебя уговорила? – обнял дочь Рузов и замер, вдыхая аромат ее волос. Теперь они пахли иначе, не так, как в детстве.

– Отпусти меня, пап, – взмолилась Ирина и попыталась выбраться из отцовских объятий.

– Ну уж нет, – Миша сжал дочь еще сильнее. – Теперь от меня ни на шаг: ни ты, ни мать. Ясно?

«Ясно», – хотела подыграть отцу Ирина, но не успела: незаметно подошедшая к ним Жулька сначала ткнулась ей в бок, а потом уселась Рузову на ногу.

– Точно – девка, – вздохнул Миша и потрепал псину за ушами: – Войдешь в дом, сдам на колбасу. Поняла?

Жулька, обрадованная хозяйской лаской, в неге закрыла глаза.

– Она согласна, – рассмеялась Ирина и пошла к дому, как в детстве, потешно размахивая левой рукой.

«Все марширует», – мысленно улыбнулся Рузов и попытался посмотреть на дочь другими глазами, как, например, Макс. Ничего не вышло: он по-прежнему видел в Ирине маленькую девочку и вспоминал, как та горько плакала, когда он уезжал из дома, например в командировку. «Не такая уж я и сволочь», – пробормотал Миша и, потрепав Жульку еще раз, поспешил в дом, где увидел когда-то типичную для своей семьи картину: Маша с дочерью сидели на диване, обнявшись, как будто не виделись несколько лет.

– Соскучились? – пытаясь не выдать собственного волнения, нарочито бодро спросил Рузов и, не дожидаясь ответа, уселся рядом со своими девочками. Как отец, наверное, он должен был хотя бы полюбопытствовать, как Ирина сдает экзамены, куда планирует поступать, как себя чувствует, наконец. Но, как отец, он не хотел слышать ничего такого, что могло бы

нарушить эту хрупкую идиллию, срок жизни которой так же короток, как и его собственное желание начать все с нуля. Рузов просто знал, что так надо, а если по-честному, то никакой уверенности в том, что он сможет забыть случившееся, не было. Мало того, глядя на переполненную тихой радостью Машу, ему захотелось сделать нечто, что могло бы поколебать ее умиротворенность. Но как осуществить это, не задев дочь, он не знал и поэтому медлил.

– У тебя все в порядке? – покосилась на него Машенька, не размыкая рук.

– Все, – подтвердил Миша. – Если не считать, что ты отрезала меня от внешнего мира.

– Мир подождет, – улыбнулась мужу Маша и заскользила взглядом по потолку.

– Ага, Машка, поплачь еще, – поддел жену Рузов. – Ты ведь от счастья?

– От счастья, – Машенька смахнула слезы. Похоже, любая мелочь отзывалась в ней особым душевным напряжением, которое легко передавалось Мише, а потому вызывало сопротивление. Наконец Рузов не выдержал и озвучил:

– Мне надо на пару часов отъехать.

Маша изменилась в лице:

– Именно сейчас?

– Сейчас. У меня встреча.

– Отмени свою встречу, – стараясь сохранять спокойствие, предложила Машенька.

– Это каким же образом? – скривился Миша и показал рукой на разобранный для просушки телефон.

– Возьми мой, там все есть, – Маша быстро сообразила, о чем идет речь.

Нисколько не сомневаясь, Рузов схватился за телефон жены.

– Помочь? – ехидно-доброжелательно предложила Машенька и тут же, как ни в чем не бывало, поцеловала дочь в плечо, дабы та, не дай бог, ничего не заподозрила.

– Разберусь, – буркнул Миша и начал перебирать имена в списке контактов.

«Своих» он нашел быстро, под нетипичным для телефонного справочника обозначением – «Сука 1», «Сука 2» и т. д. Похоже, Маша основательно порылась в его сотовом: на некоторых визитках были даже подобраны фотографии. Причем безошибочно.

Не вставая с дивана, Рузов набрал нужный номер и официально поздоровался:

– Здравствуйте, Елена Владимировна.

В трубке что-то удивленно пискнуло.

– Довожу до вашего сведения, – официально заявил Миша, – что сегодняшнее совещание не состоится.

На том конце, видимо, задали вопрос, не переносится ли?

– Нет, не переносится, Елена Владимировна, – твердо повторил Рузов. – Отменяется. Хорошего вам дня... Довольна? – повернулся он к Маше.

– Довольна, – промурлыкала та и, разжав руки, легко соскочила с дивана. – Слушайте, а не поехать ли нам на природу? – Она выглянула в окно. – Погода прекрасная. Возьмем термос с чаем, налепим бутерброды... Отметим, так сказать, воссоединение нашей семьи.

– Я – за, – быстро заразилась материнским энтузиазмом Ирина и прильнула к отцу: – Поедем?

– Поедем, – не смог отказать дочери Рузов и предложил: – А хотите в загородный ресторан? Пообедаем по-королевски!

– А я и не знала, что у нас поблизости загородный ресторан, – не удержалась от колкости Машенька, но активно тему развивать не стала, побоялась разрушить их временное перемирие.

– А я знала, – с детским тщеславием заявила Ирина, но потом нахмурилась.

– Не понравилось? – встрепелась Маша и сморщила лоб так, что стала похожа на составившегося гномика.

– Понравилось, – усмехнулась Ирина и затеребила обложку на диванной подушке.

– Вообще-то всем нравится, – подхватил разговор Рузов. – Я с кем там только не был, никто не жаловался.

– То есть ты, Мишка, в этой загородной харчевне завсегдатай? – легко уколола мужа Машенька и заговорщицки подмигнула дочери.

– Не факт, что завсегдатай, но подхват есть, – не заметив подвоха, проглотил наживку Рузов и заторопился. – Могу позвонить, предупредить, чтобы кролика запекли. Ты, Ирка, как к кролику относишься?

– Мне все равно, – отмахнулась от отца Ирина, не переставая наблюдать за матерью.

– А ты? – больше для приличия поинтересовался у жены Миша, пытаясь скрыть раздражение. – Есть какие-нибудь пожелания?

– Нет, – поджала губы Машенька, легко представившая своего мужа в компании с любой из тех, чьи фотографии хранились теперь и в ее телефоне. – Полагаюсь на твой вкус, любимый.

– И я, – поддержала мать Ирина, пока не заметившая проскакивающих между родителями искр.

– Тогда поехали, – буркнул Рузов и вышел первым, не оборачиваясь.

– Не обращай внимания, – зачем-то предупредила дочь Маша и поспешила следом. – Папа нервничает.

– Из-за меня? – наивно предположила Ирина.

– Нет, – снова сглупила Машенька. – Из-за телефона.

– Серьезная причина, – хмыкнула Ира и остановилась. – Слушай, мам, мне кажется, это ты зря затеяла.

– Что?

– Это вот воссоединение. Знаешь, бабушка мне сказала, разбитую чашку как ни склеивай, трещину все равно видно.

– А твоя бабушка не сказала тебе, что битая посуда дольше служит? Или, например, большое дерево дольше скрипит?

Ира промолчала.

– Все можно исправить, Ируська. Главное – хотеть.

– Но ведь не все же зависит от человека!

– Все! – не согласилась с дочерью Маша. – Уж поверь мне!

«Тебе?» – мысленно возмутилась Ирина, но вслух ничего не сказала, пожалела, хотя еще вчера была готова обвинять мать во всех смертных грехах. Отец не вызывал у нее таких чувств, на него она просто злилась, по-женски признавая заложенную природой склонность к полигамии. Ира даже была готова к тому, что он еще женится и у нее появятся братья или сестры. Но ничего подобного, с ее точки зрения, в жизни матери произойти уже в принципе не могло: маленькая, абсолютно, как она считала, некрасивая, с гармошкой морщин на высоком лбу, с пошлыми белокурыми кудельками... Сорок четыре года! А ведь когда-то она казалась ей красавицей.

«Куда же все делось?!» – изумилась Ирина и остановилась в растерянности. Чувство, которое она испытывала сейчас к собственной матери, не было похоже на обыкновенную жалость, не много в нем было и от женской солидарности, легко сводимой к известной формуле: «Все мужики – сволочи». И Ирине неожиданно захотелось притянуть Машеньку к себе для того, чтобы на ощупь проверить, все ли у нее цело, а потом, убедившись в том, что это так, накрыть ее пуленепробиваемым стеклянным куполом с табличкой «Руками не трогать!».

Допустить мысль, что нечто подобное по отношению к ней самой когда-то испытывала и Маша, Ира не могла. В освоении новых чувств мы всегда ощущаем себя первооткрывателями, эгоистично считая, что только нам доступна эта гамма высоких переживаний. Но и в этом есть свой тайный умысел. Не будь такой уверенности в человеке, он никогда не встал бы на путь настоящей любви к ближнему, обращающей недостатки в достоинства, существу-

ющей вопреки здравому смыслу, лишенной рационального начала. Такая любовь не живет в одиночку, ее всегда сопровождает страх, подталкивающий к самопожертвованию ради близких и заставляющий ценить каждое мгновение жизни. «Ты без меня пропадешь», – думают родители, держа за руку своего ребенка. «И вы без меня пропадете», – через какое-то время вторит он им, даже не замечая, что произошла та самая, ключевая перемена мест, отвечающая непоколебимой логике жизненного процесса, когда одно поколение уступает дорогу другому.

– Мам, пап, – подала голос с заднего сиденья Ирина, вдруг почувствовавшая себя в ответе за то, что происходит с ее бестолковыми родственниками. – Давайте вернемся? Ну его, этот ресторан! – Что-то подсказывало ей, что ничего хорошего из этой поездки не получится.

– Как это?! – захорхорился Миша, не любивший менять планы на ходу. – Решили же?!

– Ну и что? – продолжала гнуть свою линию Ира. – Ты-то там чего не видел?

– Я все видел, – самодовольно подтвердил Рузов, – а вот Машка там еще не была. Не свозил, видно, никто. Что, Машуль, клиент жадный попался? – В Мишином голосе прозвучала издевка.

– Почему жадный? – приняла вызов Машенька. – Просто осмотрительный.

– А так бы ты не отказалась?

– Не отказалась бы, – откликнулась Маша, поддавшись на провокацию, в результате чего от ее утреннего умиротворения не осталось и следа. – От тебя разве ж дождешься?!

– От тебя, Маш, тоже толку не много, – не остался в долгу Рузов и, остановив машину, взорвался: – Чего ты хочешь, твою мать?!

– А ты? – забыв о том, что дочь сидит на заднем сиденье, взвизгнула Машенька.

После этих слов Ирина поняла: никакого окончательного перемирия в их семье никогда не наступит. Ее возвращение домой создало в сознании родителей иллюзию безопасности, отчего те начали вести себя как малые дети, утратившие в игре чувство меры. И если раньше присутствие Ирины было для них сдерживающим фактором, то теперь – наоборот: оно провоцировало их все больше и больше, потому что каждому хотелось заручиться ее поддержкой, чтобы доказать виновность другого.

– Вы что?! С ума сошли?! – вмешалась в родительскую перепалку Ирина, проклиная себя за излишнюю доверчивость к их решению начать все заново. – Вы соображаете, что делаете?

– Соображаем! – в запале рявкнул Рузов.

– Нет! Не соображаете! – закричала на отца Ира. – Ни ты, ни мама! Господи! Какая же я дура! Я же знала, что ничего не получится!

– А что, по-твоему, должно было получиться?! Мир, дружба, муси-пуси? Да ты хоть знаешь, что это такое, когда тебе твоя собственная жена рога наставляет?! – Миша никак не мог остановиться.

– А ты своей собственной жене разве рога не наставляешь?!

– Это мое дело! И оно тебя не касается!

– Касается! – Ирина безуспешно попыталась вырваться из машины. – Еще как касается! Мне, между прочим, не все равно, как живут мои родители.

– Правда?! – Рузова просто перекосило.

– Правда, – заплакала Ира. – И я не понимаю, почему ты молчишь, – обратилась она к матери.

– А я понимаю, – перехватил инициативу Миша. – Твоя мать молчит потому, что ей крыть нечем. Так ведь, любимая?

– Так ведь, любимый, – спокойно согласилась с ним Машенька. – Прости меня, пожалуйста.

– Прости?! – возмутилась Ирина. – Он тебя «прости»? И ты вот так спокойно это говоришь?

– А как по-другому?

– Но ведь он тоже виноват!

– Да какая теперь уже разница? – резонно рассудила Маша и обернулась к мужу: – Открой мне дверь. Я выйду.

Рузов разблокировал замок и, перегнувшись через жену, распахнул дверцу:

– Иди.

Машенька вышла.

– Ты тоже можешь идти, – бросил он через плечо сидевшей сзади дочери и положил руки на руль. – Не держу...

Оставшись один, Рузов моментально успокоился и включил радио, громко поприветствовавшее его оглушительным треском. «И тут непруха», – пробормотал Миша и выгреб компрометирующее содержимое бардачка: презервативы, интимный гель, пару пузырьков антисептика. Все это, вместе взятое, было выброшено из окна машины в обмен на несвоевременные мысли о том, что только Машка могла ездить рядом, на соседнем сиденье, и ни разу не посмотреть, что находится прямо у нее под носом. Причем столько лет!

«И еще столько бы ездила!» – то ли с досадой, то ли с какой-то особой признательностью подумал о жене Рузов и вытащил из багажника старый матрас, который когда-то служил им с Машенькой спальным ложем, а потом превратился в передвижную кровать для его многочисленных любовниц, не гнушавшихся сексом в автомобиле, благо тот был вполне для этого приспособлен, с просторным салоном и раскладывающимися сиденьями. «Сжечь, что ли?» – на минуту озадачился Миша, а потом просто зашвырнул матрас в кусты. Отряхнув руки, Рузов уселся в машину и, развернувшись, медленно тронулся вперед, размышляя над тем, как разрешить сложившуюся ситуацию. Он прекрасно понимал, что не справился, что не оправдал надежд единственной дочери, что все испортил, но от этого легче не становилось. Наоборот, чем дальше он оказывался от места, где произошла эта роковая перепалка, тем сильнее становилось его желание вернуться обратно. Так Рузов и сделал. Оказавшись на месте, он вышел из машины, поднял матрас со словами: «Еще пригодится» – и вновь засунул его в багажник. Теперь Миша понимал, что не готов расстаться ни с чем, что раньше составляло смысл его жизни: ни с женой, ни с дочерью, ни даже с этим проклятым матрасом. «Как будет, так и будет», – решил Рузов и помчался догонять своих девчонок, наивно полагая, что уж в этот раз все сложится как нельзя лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.